

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ

Издательство «Правда» 1947 г.

12

№ 12

ДЕКАБРЬ
1947 г.

П И О Н Е Р

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Пионеры 1-й мужской школы города Тушино очень хорошо помогли агитаторам в подготовке к выборам в местные Советы. Они часто дежурили на агитпунктах, проверяли списки избирателей, выпускали стенные газеты.

Наш фотопортрет С. Преображенский сфотографировал ребят в тот момент, когда они выпускали газету «Мы избираем» для агитпункта избирательного участка № 77.

Ёлка

Б. Полевой

Происшествие, о котором мне хочется рассказать вам, случилось в Нюрнберге.

Около четырёхсот корреспондентов газет и радио всех стран мира съехались на Нюрнбергский процесс. Американские власти отвели под пресс-кемп, что означало по-русски лагерь прессы, огромный, чудовищно аллюзивный дворец карандашного короля Иоганна Фабера, одно из немногочисленных зданий города, сохранившихся после союзнических бомбардировок. Это был, наверно, самый шумный лагерь на земле. Здесь много работали, говорили и спорили на всех языках и наречиях мира, часто не понимая друг друга ни в прямом, ни в переносном смысле, но в общем старались друг другу не мешать.

И вот однажды в конце декабря в огромной холодной мраморной гостиной пресс-кемпа появилась большая рождественская ёлка, украшенная по обычаю американцев только блестящими кудряшками серебряной канители. Унылый, холодный дворец, который все мы потихоньку успели яростно возненавидеть, наполнился знакомым, острым, с детства волнующим запахом смолистой хвои. Дерево это сразу нарушило уже сложившийся, очень шумный и суетливый, но деловой быт обиталища мировой прессы. Повсюду далёким прошлым, родными местами, родиной, по которой всегда так остро тоскуешь на чужбине.

В этот вечер было непривычно тихо в соседней с гостиной рабочей комнате — уоркурум, — откуда в обычные дни, как из ткацкого зала, с утра до вечера доносился ровный напряжённый шум, в который сливалась трескотня десятков пишущих машинок. Молчали меж-

дународные телефоны. Дежурившие внизу, в холле, телеграфные мальчишки, в каскетах и униформах двух мировых конкурирующих между собой телеграфных агентств, всегда едва поспевавшие отправлять кучи телеграмм во все страны мира, сидели вдвое на золочёном троне какого-то прогоревшего курфюрста, купленном из тщеславия карандашным королём, и от нечего делать с увлечением резались в кости.

Зато тесно было в сумрачной от дыма комната бара, а в огромном столовом зале, не умолкая, неистовствовал негритянский оркестр, и мировая пресса всех национальностей лихо оттесняла между столиков разные замысловатые танцы. Сначала всё шло как будто хорошо. На ёлку к прессе приехали несколько английских и американских офицеров и генералов. Советская делегация, как и всегда, сидела в южном углу зала за своими традиционными столиками. С нами было несколько американцев и англичан, так как в пресс-кемпе в те дни считалось почетным делом провести вечер в компании советских людей, в так называемом «русском углу».

Цветные стёкла, которые карандашный король, левший из всех сил в аристократы, инкрустировал аллюзивными картинками из сюжетов из рыцарских времён, дрожали в стрельчатых рамках. Сыпалось шарканье сотен ног. С хор, порхая, увязая в волосах, в бокалах сыпался пёстрый снег конфетти, серпантиновые кудри опутывали ноги танцующих, разноцветные ватные шары летали от стола к столу. Всё это было в достаточной мере безвкусно и скучно, но всё-таки любопытно. Единственное интересным и действительно примечательным был на этой ёлке

Рис. А. Кокорина

негритянский оркестр. Он неистовствовал без отдыха.

Славные чернолицые музыканты в мундирах солдат американской армии с многочисленными золотыми прямоугольничками на рукавах, свидетельствующими о том, что в этой войне они прошли длинный и долгий боевой путь, с пёстрыми ленточками орденов и медалей над грудными карманами, говорившими, что они хорошо повоевали, изо всех сил дули в свои трубы, трубы, трубочки, были в барабаны каких-то незадомъятых систем, неистово колотили по клавишам раскрытоего рояля, по набору черепаховых пандырьёв, по полу и по доске пианино, ловко орудовали какими-то свистульками, трещётками, металлическими метёлочками, издававшими самые невероятные звуки. И всё это делалось с таким вдохновенным жаром, так лихо, мило и непосредственно, с такими сверкающими глазами, что ясно было, что музыка и вся эта праздничная суетолока вокруг оркестра доставляет им самим не меньшее удовольствие, чем танцующим и слушающим.

Особенно хорош был дирижёр. С тонким интеллигентным лицом, красивый, стройный, как камышинка, он, управляя оркестром, ухитрился сам поочереди переносить на всех инструментах; он всё время мелодично подневал, топал ногой и, казалось, весь искрился весельем, отдаваясь шумной, беспшибашной народной мелодии.

— О'кэй... Уэри гуд... Как это? Карапо... — прищмокивал наш сосед по столу, один из крупных радиокомментаторов Америки, огромный, грузный, добродушный с виду человек, у которого всё — и руки и шея, — как тесто, выпирало и вываливалось из военного мундира. Он изучал русский язык и не упускал случая нет-нет да и блеснуть перед нами русской фразой. — О! Маэстро? Ньет?

Майстер? Да? Чиорный парень — луксус... Ньет? Лучши майстер... Да? По-русски въерно?

И, довольный тем, что ему удалось так здорово объясниться по-русски, он подмигнул всему столу, звучно захохотал и налил себе ещё виски.

Оркестр играл так заразительно, что, не вытерпев, поднялся из-за стола и пустился в пляс со своей секретаршей, немолодой и положительной дамой в роговых очках, глаза американского обвинения судья Джексон. А какой-то генерал, тиничный янки с серебряными сединами и детским румянцем на щеках, под общий одобрительный смех и свист взял стул вместо дамы и стал показывать, как танцуют фокстрот в различных штатах Америки.

Наш сосед по столу умильно бубнил:

— Господа рапшин... Ньет, русский товарищ. Ай есть ваш старый добры лагибрет. Американши демократий — шен есть... как это... луксус. Ньет? Лютши добреиши демократиеш. Свобода. Ха-ха! О'кэй! Ого!

Мы наблюдали за негритянским оркестром. Привольном професиональном мастерстве музыканты сумели сохранить чудесную непосредственность исполнения. Это как-то роднило их с нашим народным творчеством и делало их музыку для нас особенно привлекательной. Но вот оркестр смолк, и сразу точно электрический ток выключили из артистов. Дыша тяжело, как загнанные лошади, они отирали широкими ладонями пот, лившийся с их лиц. И у советских журналистов, у нескольких сразу, возникла мысль по-товарищески поблагодарить их за талантливую игру. Мы подошли к возвышению, на котором располагался оркестр, и стали жать их большие, горячие фиолетовые руки.

И тут случилось что-то странное. В шумном зале наступила вдруг напряжённая тишина. Все молча смотрели на нас: американцы хмуро, не скрывая своего удивления и неприязни, англичане холодно, вопросительно выжидая, французы сочувственно-иронически, дескать, знаем, что всё это чепуха, предрассудки, однако стоит им нарушить обычай хозяев дома, как бы смешны они ни были. Зато высокий, лысый чех-журналист, побывавший в своё время в фашистской тюрьме и едва спасшийся от верной петли, издали аплодировал нам, стоя у колонны. Два югославских корреспондента с партизанскими звёздами на новеньких костюмах присоединились к нам, а маленький чёрный болгарин, известный в своей стране

писатель и музыкант, вскочил на подмостки и принялся обнимать оркестрантов.

Но видели бы вы в эту минуту негров! На их широких, открытых, простодушных лицах сияло выражение детского счастья. Сверкая золотыми белозубыми ртами, они жали нам руки так, что складывались пальцы и трещали кости суставов. Нет, положительно, это были славные ребята!

А типина в зале становилась всё напряженнее. Ах так? Ну что же, пусты! Мы пригласили несколько негритянских музыкантов к нам в «русский угол». Не успели они дойти до наших столиков, как оттуда демонстративно поднялись и удалились сидевшие с нами американцы. Толстый радиокомментатор, мыслистое лицо которого мгновение назад изображало сплющенную улыбку, зло оглядывался на негров, растягивал народ, выдираясь из зала. Через мгновение он появился в дверях в сопровождении шефа пресс-кемпа полковника Дина и какого-то офицера из штаба армии, при виде которого наши негритянские гости торопливо вскочили. Мило улыбаясь, полковник извинился перед нами за то, что нарушает нашу компанию, и сердито буркнул артистам: «Прочь отсюда!» Они ушли, испуганные, растерянные, как напалившие дети, и только красавец-дирижёр с достоинством допил свой бокал, простился и пошёл неторопливо и гордо, всем своим видом подчёркивая, что подчиняется грубой силе, пошёл сквозь строй насмешливых, неприязненных, недоумевающих взглядов, прямой: гибкий, стройный в своём мундире американской армии.

Снова заиграл оркестр. Засновали по залу патры, с хор хлынул дождь конфетти, цветные потопы серпантина замелькали, разбрызгиваясь в воздухе. Всё было попрежнему. Но стало вдруг страшно скучно, серо и противно на душе. Я вышел в мраморную гостиную, где стояла ёлка, и здесь встретил старого фронтового друга Сергея Крушинского. Неутомимый журналист задумчиво стоял у ёлки с чёмоданчиком портативной машинки в руке. Он только что отстукал в типине пустой рабочей комнаты корреспонденцию в свою газету.

— Вы знаете, о чём я сейчас вспомнил, — сказал он, улыбаясь тепло и мечтательно. — Я вспомнил...

— О нашей корреспондентской ёлке в Ново-Бридине, — догадался я.

Он молча кивнул головой. В эту минуту я думал о том же, и мне ярко вспомнилось вдруг это давнишнее событие, навсегда оставившее в душе тёплый след. Было это на

исходе 1942 года, года тяжёлого и бурного. Александр Александрович Фадеев, приехавший тогда к нам на фронт с путёвкой корреспондента «Правды», представитель «Красной звезды» майор Арапов и я вернулись тогда из Великих Лук, где завершалась последняя фаза тяжёлых и многодневных боёв за город. По разбитым дорогам в гололёдцу и метель мы проехали в этот день больше ста километров с единственной целью встретить Новый год в кругу друзей.

Корреспонденты Калининского фронта обитали в деревенском Ново-Бридине и жили все вместе в здании бывшей начальной школы, носившей у нас почему-то ироническое название «белый дом». Дом был вовсе не бел, а сер от времени и непогод, очень ветх и щеляв. Прессы ютились в огромном холодном классе, разгороженном самодельными ширмами и шкафами, и класс этот делили с нами многодетная больная учительница и несколько колхозных семейств, переехавших сюда после того, как немцы, отступая, сожгли их дома. Только корреспонденты-старожилы обладали в этой комнате лежаками. Гости же, которых, к слову сказать, на взятие Великих Лук слетелось и стекалось до десятка, все ютились на полу на сене. Но жили согласно и очень дружно, вполне оправдывая пословицу: «В тесноте, да не в обиде».

Когда многострадальная наша «эмочка», прошив радиатором последний супор, притянула к крыльцу «белого дома», и в клубах пара мы ввалились в комнату, уже густели ранние зимние сумерки. Вся наличная журналистская братия в стёганках, в валенках, в накинутых на плечи полуушубках, засунув руки в рукава, горбились вокруг времянки, пакалённой так, что искры испыхивали и гасли на её багровых, гудящих от напряжения боках. Первое, что поразило нас в нашем жилище, была совершенно необычная для

нега какая-то тягучая, грустная тишина, нарушаемая лишь тревожным воем огня, потрескиванием раскалённой трубы да сухим шелестом снега о стёкла. На лицах сидевших было какое-то отсутствующее выражение. Никто не спросил нас, ни как мы съездили, ни что нового в Луках. Нам молча уступили место у огня, и мы, поддавшись общему настроению, тоже молча протянули к нему окостеневшие от холода руки. И сразу мысли улетели и от трудных боёв и от этого занесённого снегом домика туда, где в неведомом нам тяжёлом и неуютном далёко, в эвакуации, наши семьи готовились сейчас встречать Новый военный год.

Гудело, шипело, металось в печурке затухавшее пламя. Ветер выл в трубе. Медленно тянулись грустные думы. Молчаливые лица товарищей то выступали, то исчезали в серой полуутягнутой сумерек, невысоко поднимаясь к потолку крепкий махорочный дым, а где-то за нашими спинами скорее угадывались, чем виднелись, фантастически обванные, обычно такие шумные и крикливые, но сегодня тоже почему-то притихшие и только шмыгавшие носами юные обитатели нашего дома: маленький, круглоицкий, курносый парнишка с круглыми глазами, прозванный нами «Ваня номер один», и очень похожий на него «Ваня номер два», отличавшийся от тёзки только меньшими размерами, четырёхлетний крепыш, поименованный у нас за мощь и непреклонность характера Ермаком Тимофеевичем, и сестрёнка его, белобрысая, шустрая трёхлетняя девица, и много другой детворы мелкого и среднего калибра. Молчаливое присутствие этих маленьких человечков делало тоску по дому ещё острее и непосредственнее.

Печь прогорела. Раскалённые листы её начали синеть и потускнели вовсё. Комнату наполнила тусклая прокуренная тьма. И тогда кто-то, не помню уже кто, задумчиво предложил:

— Братцы, а что если нам учинить ёлку?

Это решило судьбу вечера. Все как-то сразу встряхнулись, ожили, засуетились, заговорили залпом, как на старой деревенской сходке. Засветили большую коптюшку, сделанную из сплющенного снарядного стакана, и началась бурная подготовка.

По наряду старшины корреспондентского корпуса мы с фотопортёром Серёжей Коршуновым, захватив с собой топоры и электрический фонарь, отправились за ёлкой в лес, шумевший у самого нашего крыльца. И пока мы протаптывали путь через высокие косые сугробы, фантастически сверкающие в остром электрическом свете, пока в застывшем морозном мраке торжественного леса искали подходящее дерево, в «белом доме» царила шумная суета.

На общий стол сносились все, что у кого оказалось из снега. Наши шоферы, руководимые хромым шохозяйником, мастером на все руки, Егором Валерьевичем, складывали в сенях из досок огромный длинный стол. Александр Александрович, вызвавшийся возглавить группу украсителей будущей ёлки, вдруг обнаружил в этом деле недожинную изобретательность.

Сидя с ногами на своём лежаке, он отбирал привнесённые сокровища, и корреспонденты привозили в них ниточки. Предложения сыпались со всех сторон. Папиросы! Их можно посадить на ёлки веток вместо свечей. Индивидуальные пакеты! В них есть гипсокордит, которого много у фотопортёров, — вот вам чудесно сверкающий снег!

Лазая по сугробам, мы с Коршуновым часа полтора прискалья в темноте подходящее дерево. Когда же, наконец, совершило выбившись из сил, вс потешив, в заскорузлых от льда полуушубках и валенках, полных снега, мы ввалились в дом, подготовка была уже в полном разгаре.

Но особенно преуспела секция украсителей. Перед знаменитым писателем лежала уже целая гора сверкающих безделушек, так что он прилично их брали, отбирая лучшие. Когда же ёлка была вделана в колоду, водружена на место и убрана, мы сами пришли в восторг. Право же, она была хороша! Украсенная трофеями рогалиями, патронами, оплётённая кудрявыми гирляндами телеграфных лент, с ветвями, покрытыми подушками сверкающей гипсультитом ваты.

Весь корреспондентский корпус был захвачен этой весёлой работой. Ребяташки же, заблаговременно выставленные в соседнюю половину дома, затаив дыхание, в щельку двери наблюдали эти интересные приготовления. И всем нам было бесконечно приятно видеть их восторженно-торжественные, умытые по случаю праздника рожицы. Торжество началось, двери распахнулись. Ребята хлынули в «зал». И корреспондентская наша ёлка встретила эту детвору, едва недавно дрожавшую при немцах в земляных бункерах на огородах, разучившуюся громко говорить и улыбаться, своим волшебным ароматом и ласковым сверкающим блеском незатейливых своих богатств.

Из-под ёлки с рёвом, тяжело переваливаясь, выплыл извонстручу ребятам медведь. Он, правда, был не очень звероподобен, этот наш самодельный медведь в вывернутом наизнанку косматом полуушубке, в лётных пимах, с бурой пыжиковой головой. По восторженному утверждению наших гостей он очень смахивал на их любимица Арапа Амамыча, как звали они корреспондента Соловьевского Александра Абрамовича Евновича, но, как бы там ни было, функции свои он выполнил отлично. Он старательно ревел, ходил на четве-

реньках, плясал в детском хороводе, даже катал на себе самых маленьких вокруг стола.

Вместе с четвёртой и, поверните мне, с не меньшим энтузиазмом танцевали в этот день вокруг ёлки солидные писатели, известные журналисты, фотокорреспонденты с самыми громкими именами и их верные шофферы. Пели, водили хороводы, дурачились, и трудно сказать, кому это деревцо с неоттаившими ёщё льдинками на ветвях, доставило в эту ночь больше радости — на паним маленьким гостям, для которых оно было символом возвращения из страшной неметчины в родной, советский мир, или нам, офицерам, которых оно точно волшебной силой мысленно переносило с фронта к своим далёким, родным и любимым.

В разгаре этой ёлки я вышел на улицу подышать. Ветер стих, метель спала, небо было необыкновенно чисто, точно отполированное пургой, и всё сияло звёздами. И так же, как звёзды, ярко и колючно светились у крыльца острые, свеже намётенные сугробы.

— Сколько же придётся встречать Новый год вот так, на фронте, вдали от семьи? — сказал кто-то, пыхнув папиросой во тьме сеней.

Фронт тогда шёл где-то у Гжатска, и мы, находившиеся в те дни на самом острие наступающего клина, питуровали Великие Луки. Идти до Берлина было далеко. Помолчали, потом другой голос мечтательно спросил:

— А интересно, где-то мы закончим наш последний фронтовой год?

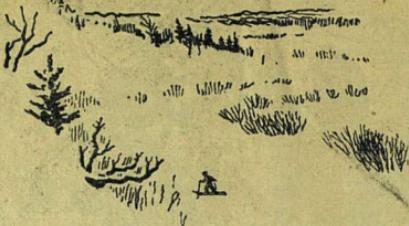
И так уж случилось, что год этот мы с Сергеем Крушинским закончили в тысячах километров от калининской деревеньки Ново-Брилино, в разрушенном, мёртвом немецком городе Нюрнберге, у огромной ёлки, поставленной американцами для корреспондентов в мраморной гостиной пресс-кемпа. И хотя рядом гремел негритянский оркестр, хотя паркет полов дрожал от шаркающих ног танцующих пар всех национальностей мира, хотя на полках бара искарились в электрических огнях бесконечные настойки, ликёры, джинсы, виски и коньяки, хотя бармены в форме американской армии сбивали, не уставая, самые причудливые коктейли, она, наша маленькая ёлочка, эз-промптом ворвавшаяся когда-то в неутютную солдатскую жизнь, была нам стократ милее в логоре, чем этот чужой, холодный пир в чужой, не наш праздник.

И ещё милее, как большая награда за трудный и длинный фронтовой путь, поморещилась нам ждущая нас в Москве первая мирная новогодняя встреча в кругу семьи, на которую мы собирались тогда лететь из Нюрнберга, говоря без всяких преувеличений, за тридевять земель.

Из книги рассказов «Мы советские люди», которая готовится к печати в Детгизе.

Так хорошо

В. Кузнецов

Рис. Л. Тараканова

С горы,
С крутого берега
Я мчусь,
Качусь,
Лечу.
И свежий снег
Нетронутый
Я лыжами черчу.

А ветер злится,
Бьёт в лицо —
Перехватило дух...
Бугор,
Толчок —

Я кувырком
В холодный белый пух.

Мне руки,
Уши, и глаза,
И щёки снег обжёг.
Я отряхнулся:
— Не беда!
А ну ещё разок!

Вскарабкался,
Передохнул,
Ушанку натянул,
И...

Тут опять

Бугор,

Толчок —

Опять в сугроб «нырнул».
— Сдаваться?
Как же!

И ещё —

Седьмой,
Десятый раз.
— Так хорошо!..
Пошло,
Пошло —
Катался целый час.

Игорь Гранберг учит младших своих товарищих ходить на лыжах.

Зимние победы

Н. Розенкноп

У каждого сезона свой спорт, свои игры. Смешно было бы летом встретить человека, который на лыжах прорызается сквозь зелёные заросли и втыкает палки в цветточные клумбы.

Так же смешно в ясный зимний день увидеть ребят, которые носятся с футбольным мячом по тесным коридорам или лестницам.

Мне никогда не приходилось видеть «летнего» лыжника, по футбольистов, которые сражались в полуутыне, между каким-то шкафом и корзиной, я видела. И в то время, когда эти чудаки задыхались от духоты в пыльном коридоре, по широкой снежной равнине мчались разрумянившиеся от ветра лыжники, они взбирались на горы, стремглав съезжали с круч. Вот о таких людях, которые любят зимний спорт, я и хочу сегодня рассказать.

ДВА ЧЕМПИОНА

Первый раз мы встретились осенью, когда ещё не было настоящего снега. «Температура днём будет 0°», — сказали по радио. И действительно, снег, выпавший поутру, днём стал таять. Вдоль тротуаров потекли ручьи. В этот день я увидела на улице лыжника. На плече он нёс лыжи, а за спиной у него был рюкзак.

«425-я мужская средняя школа» — было написано на двери, в которую он вошёл. «Вот, значит, где находятся первые лыжники этого года», — подумала я и вошла следом. Тут мы и познакомились. Лыжник оказался учеником 10-го класса Игорем Гранбергом. В комнате, куда мы с ним вошли, собралось много мальчиков. Игорь раскрыл свой рюкзак и вытащил оттуда множество банок. В банках была лыжная мазь для оттепели. Он сам сварил её и испробовал утром.

— Куда же столько мази? Да ещё для оттепели. За десять зим — и то, пожалуй, не израсходуешь.

— Но ведь это для всех, — сказал Игорь и показал на окруживших его ребят.

Девочки, если очень любят старшую подругу, непременно подойдут к ней, обнимут, поцелуют. У мальчиков так не бывает. В комнате шёл деловой разговор о лыжной мази. Но когда говорил Игорь, стихали самые шумные ребята — без слов было понятно, что Игоря очень любят и уважают.

— Знаете, он чемпион Москвы, — прошептал мне на ухо один мальчик.

За это любят товарищи Игоря? Нет, любовь нельзя завоевать ни силой, ни ловкостью, ни даже званием чемпиона. Слухается, что люди аплодируют проигрышу чемпиона.

Вот какой случай однажды произошёл с другим чемпионом школы. Его сняли с забега в последнюю минуту, почти у самого старта. Все лыжники растерялись, а сам он не поверил. Снять с забега сильнейшего лыжника школы с его коронной дистанции в три километра?! Да ещё в то время, когда лыжники 431-й школы, вечно соперники 425-й, явились на старт в самом сильном составе! Михаил Иванович, учитель физкультуры, просто пошутил.

Но Михаил Иванович повторил:

— Отойди, таких «чемпионов» нам не надо. И лыжники ушли, скрылись за лесом, а чемпион в отставке молча сел на скамейку.

Конечно, очень важно, чтобы команда победила. Но если человек говорит: «Без меня вы все пропадёте», — если он вырывается палки у другого мальчика и важно заявляет: «Мне они нужны», — если этот человек презирает всех членов своей команды и считает себя главным и единственным, — пожалуй, лучше обойтись без такого чемпиона. И без него команда не пропадёт.

Вот какая история была с одним из чемпионов школы. И так сердились на него все ребята, что это им даже духу прибавило. И если бы у одного мальчика не сломалась лыжа, команда заняла бы первое место, а из-за сломанной лыжи ей досталось второе.

Этот случай показывает, что человек, который хорошо ходит на лыжах, неизбежно становиться любимцем школы. Пожалуй, его могут даже не забыть, если он будет держаться высокомерно и заносчиво.

А Игоря Гранберга в школе любят, потому что он настоящий товарищ.

Игорь — чемпион Москвы по лыжам. Ему нужны особые тренировки. А кто видел, чтобы Игорь один ходил на лыжах? Всегда вместе с ним идёт группа ребят. Он их учит. И уж если у кого-нибудь порвётся ремень или случится ещё какая-нибудь беда, Игорь не оставит этого мальчика на произвол судьбы.

— Когда я первый раз пошёл на лыжах, — рассказывает Игорь, —

я оказался самым последним. И мне стало так скучно, что я долго потом не хотел и думать о лыжах. Ведь это очень обидно, когда все ушли далеко вперёд, а ты один таишься позади...

Конечно, у председателя лыжной секции много обязанностей. И он мог бы не варить лыжную мазь для других. Сделает это только тот, кто искренно хочет, чтобы быстро мчались лыжи всех ребят, чтобы было в школе много хороших лыжников.

Вот такой чемпион — гордость школы. Посмотрите, как волноются даже самые маленькие мальчики, когда Игорь выходит на старт. Каждый желает ему удачи!

СИЛЬНЫЕ РУКИ

Хорошо, если ты растёшь высоким, широкоплечим человеком, и инструктор, посмотрев, говорит:

— Из этого мальчика выйдет хороший спортсмен.

А если никто не обращает на тебя внимания и никому даже и в голову не приходит включить тебя в какую-нибудь серьёзную команду? Пусть пять раз под ряд ты скажешь: «И не надо, я и сам не хочу». Я знаю, тебе в эту минуту тяжело. Может быть, более малодушный человек даже заплакал бы. Но ты сдержался. И это хорошо. Но скажи: ты будешь с этим мириться? Пельзя с этим мириться!

Часто на уроках физкультуры видишь: у окна на лавочке сидят несколько мальчиков. Они пришли без тапочек, забыли их дома или потеряли. Но можно ручаться, что дело не в

Теперь Толя Леонов легко выполняет сложные упражнения на кольцах.

капочках. Эти мальчики, наверно, неудачно начали заниматься спортом. От кого-то они отстали, кто-то над их неуклюжими движениями посмеялся — и кончено. Они махнули рукой и решили, что ничего у них не выйдет, нечего и стараться.

— Я вообще больше люблю шахматы, — сказал мне один мальчик.

Но разве любое увлечение, будь то шахматы, радио или музыка, может заменить быстрый бег, лыжи, коньки? Нет такого человека на свете, который не любил бы спорт, которому не хотелось бы побежать, прыгнуть, перекувырнуться. Да посмотрите даже на этих ребят, которые сидят у окна на лавочке. Ведь они с завистьюглядят на мальчиков, которые упражняются на кольцах, подтягиваются на руках или стремительно мчатся с мячом к баскетбольному кольцу! Надо убрать маты, отвинтить брусья — и они вскаивают со своей скамьи и бегут убирать маты, отдвигать брусья. Даже эта «чёрная» работа имеет какое-то отношение к спорту. А мальчики эти любят спорт, но нехватает у них смелости и решимости побороть свою застенчивость, выставить напоказ, может быть даже на смех, свою человечность. И они сидят на лавочке.

Нет, нельзя сидеть на лавочке! Надо поступать так, как Толя Леонов. Он не примирился с тем, что хуже всех делает упражнения на кольцах. Он решил научиться. В спортивной школе инструктор гимнастики сказал:

— Не можешь подтянуться. Какие у тебя слабые руки!

И действительно у него были слабые руки. Удивительно бывает смотреть, как беспомощно висит тело человека, который не в силах поднять его, сделать рывок. Вот таким беспомощным был Анатолий.

Ребята, посмеявшись, помогали Анатолию, поднимали его к кольцам. Но это были все свои ребята, перед ними было не стыдно.

Пришёл день соревнований. Анатолий мог отказатьсь от участия, никто его не стал бы уговаривать. Многие ведь считают, что лучше совсем не выступать, чем быть последним. Но Анатолий сказал:

— Как смогу, так и сделаю. Конечно, постараюсь.

Он так волновался перед соревнованиями, что не раз хотел убежать. Только он никому об этом не говорил. И когда пришла его очередь, он, худенький, невысокий мальчик, вдруг высоко поднялся и легко схватился за кольца. Плотно сжав ноги, он раскачался и сделал стойку на руках. Нет, эти руки уже не были такими слабыми: они крепко держали его тело.

Конечно, он не завоевал ни первого, ни второго места. Другие ребята делали упражнения красивее и лучше его. Но уже никто не смеялся над Анатолием. «Просто он ещё не очень настроен», — подумали судьи.

ИМ ОТКРЫТЫ ЗИМНИЕ ПУТИ

Мы поспорили с одним мальчиком: кого считать хорошим лыжником?

— Очень просто, — сказал мальчик, — если человек проходит 3 километра за 24 минуты, — значит, он хороший лыжник.

— А если он не может взобраться на гору? — Это неважно, — сказал мальчик.

— Ну, брат, ты очень ошибаешься, — ответила я. — Земной шар — это не равнина, по которой во все стороны идут готовые лыжи. Ты не захочешь ходить только около своего крыльца? Ну, тогда умей взобраться на горы, спускаться вниз, идти и лесом и полем. Для того и созданы лыжи, чтобы ты мог пройти всюду.

Тут я вспомнила про лыжников-разведчиков на фронте. Они скользили по глубокому снегу, где провалился бы конь и завязли бы гусеницы танка, прорвались по узкой тропе между деревьев, где не прошёл бы ни один вездеход. Вот что я вспомнила.

Командование велело разведчикам привести «языка» — немца из тыла, который знает куда больше, чем солдат в окопе. Выбрали для этой цели двенадцать смелых лыжников. Наметили им путь. Горами, оврагами, глухими лесами они должны были пробраться в немецкий тыл, никем не замеченные и не видимые. Они надели белые маскировочные халаты и даже лыжи покрасили белой краской. Ночью они тронулись в путь. Сначала шли один за другим, а когда переплыли за линию нашей обороны, рассыпались цепью: идти гуськом опасно, их могла скосить одна пулемётная очередь. Впереди показались немецкие блиндажи. Разведчики легли на лыжи и поползли. Палки они держали у самого основания, и осторожно отталкивались ими. Все мы с замиранием сердца следили за их бесшумным и осторожным продвижением. Вдруг в небо взлетела немецкая ракета. Холодным синим светом она озарила широкое поле, заискился снег. Но немцы никого не увидели при свете ракеты. Словно двенадцать бугорков, недвижно лежали наши разведчики.

Они прошли 10 километров в один конец и 10 километров обратно. Да ещё на обратном пути им пришлось тащить немца. Ни разу за весь путь разведчики не ступили на хоженную тропу. Они шли целиной, каждый сам прокладывал себе лыжню. Когда им встречались просеки (а немцы нарочно их прорубали, чтобы

Вот ребята из баскетбольной команды Юры Полухина.

легче было просматривать лес), они обходили их стороной. Если перед ними вставала гора, они шли самым крутым подъёмом, потому что отсюда их не могли ждать. Лыжи, простые, обыкновенные лыжи, выносили их и из глубоких оврагов и из лощин, зажатых суровыми северными скалами. В этой разведке были настоящие лыжники — смелые, выносливые, сильные. Для таких людей всюду открыты зимние пути.

ИСТОРИЯ ФИНАЛЬНОГО МАТЧА

В 425-й школе все мальчики играют в баскетбол. Эта игра хороша и зимой, и летом, и весной, и осенью. Можно играть в баскетбол и на свежем воздухе, и в зале, он не требует такого большого поля, как футбол.

Есть в школе одна команда, которая в этом году победила все баскетбольные команды мальчиков Москвы.

Капитан этой команды — центр нападения — Юра Полухин. Все мальчики высоки ростом, хорошо прыгают, бегают, ловко передают мяч. Этим мальчикам удалось победить немало сильных команд. Наконец две команды вышли в финал. Против команды Юры Полухина стояла команда мальчиков общества ЦДКА, она тоже прошла весь путь без поражения. Играли в ней очень сильные игроки, и впервые команда Юры Полухина почувствовала, что на поле пришёл другой хозяин, он диктует свою волю. Стоило Юре или Валентину Рунову прорваться к воротам, как вставала перед ними спокойная и грозная за-

щита, не пробьёшь. А когда противник шёл в нападение, у него трудно было перехватить мяч: так точно пассовались ребята. Стрелка часов всё двигалась вперёд, и наконец, до конца игры осталась всего одна минута.

Каждому знакомо это неприятное чувство, когда исчезает последний шанс на победу. Теперь уже не отыграется. В такие минуты легко потерять самообладание. Играчи начинают ссориться: один упрекает другого, все вместе сердятся на того, кто только что промахнулся. Ему уже не дают мяча, обходят. А в это время промахнулся другой. Так уходит последние секун-

ды. Проигрывая, команда Юры молчала. Мальчики не ссорились при неудачах. Конечно, у каждого из них были промахи. Три раза они упустили возможность забить верный гол. А мяч, который они отбили в такой отчаянной борьбе, с которым обошли обоих защитников противника, этот мяч ударился о штангу и отлетел в сторону. С ужасом поглядывали на чаши «болельщиков» 425-й школы. Но на поле ещё шла борьба. Вот Валентин Рунов высоко подпрыгнул, перехватил мяч.

— Э, теперь уж ничего не поможет! — крикнул какой-то мальчик.

А Валя Рунов почти из самого центра бросил мяч в кольцо и попал. И вдруг все увидели, что команда Юры Полухина живёт, что она захватила всё поле. Вот игрок противника попрыгнул, но не достал мяч. Его перехватил Белов, кинул Рунову. Теперь мяч у Полухина. Он не хочет рисковать, надо бить наверняка. Он бежит к сетке, обходит защиту. Скорей! Осталось 16 секунд, сейчас будет свисток!

— Гол! — говорит судья.

Команда Юры выиграла. В это даже трудно было поверить, особенно побеждённым. Ведь, казалось, победа уже в их руках. Нет, никогда не встречали они такой команды. Её игроки бились до последней секунды и победили.

ЕГО НИКТО НЕ УЧИЛ

Всё-таки это большая разница — кататься на мостовой или на катке. Юра Кузнецова обгонял всех мальчишек в своём переулке, а вы-

шел на лёд — и ноги у него разъехались, словно он новичок. Потом, конечно, он привык к ледяной дорожке. Однажды мама подарила ему чудесные беговые коньки «норвежки». Уже второй год Юра ходит на них. Батастся он хорошо. Один раз, когда урок физкультуры был на катке, Юра обогнал всех ребят на три круга. Это был единственный раз, когда он, так сказать, официально померялся силами с другими конькобежцами. Обычно просто задумывал про себя: «Ну-ка, догоню того, в сером свитере». Конькобежец в сером свитре спокойно катался, даже не подозревая, что стал участником соревнования, а Юра, обгоняя его, торжествующе оглядывался: «Перегнал!»

Но случалось и так, что вдруг прямо из-за спины Юры высакивал какой-то другой мальчик, проносился вперёд и тоже оглядывался. Ясно, он считает, что победы. Юра тотчас принимал вызов. В тот момент, когда победитель, уйдя вперёд, считал себя недосягаемым, Юра уже гнался за ним по пятам. В этом соревновании конькобежцев Юра стал замечать, как различны бывают стили. Одни конькобежцы шли плавными широкими шагами. Они словно «типули» толчок. Юра узнал, что один знаменитый конькобежец мог 15 метров прокатиться на одном коньке. Многие, чаще люди невысокого роста, делали резкий, сильный толчок. Одни шли, сильно раскачивая корпус, а другие направляли свой конёк не в сторону, а вперёд, как говорят, «узкой ёлочкой».

Никто из этих конькобежцев и не знал, что за каждым их движением наблюдает внимательный и зоркий мальчик. Уж, конечно, они не

собирались быть его учительями. Но Юра умел видеть, и он сам учился у них.

И когда он привёл на каток своего друга Витю Ривкина, то сказал ему:

— Прежде всего посмотри, как катаются другие. Только посмотри внимательно.

* * *

«Зимние победы» — так назвали мы свой рассказ о спортсменах 425-й школы. У них много разных побед. Но самой главной победе мы ничего не сказали, а завоевали её все мальчики этой школы; все они научились ходить на лыжах, играть в баскетбол и бегать на коньках. Одни, конечно, делают это лучше, другие хуже. Но важно то, что все они занимаются спортом. Это и есть главная победа.

В школе существует совет капитанов, в него входят капитаны всех команд: баскетболисты, лыжники, боксёры и гимнасты. Вместе решают все важные вопросы и большие ребята 9-х и 10-х классов и ученики, для которых наступил первый спортивный год.

Во главе совета капитанов стоит Михаил Иванович Маркин, тоже ученик этой школы, но в прошлом.

Несколько лет назад он окончил институт физкультуры, вернулся в родную школу и стал преподавателем. И учитель и ребята зимой увлечены одними и теми же видами спорта: лыжами, гимнастикой, баскетболом. Их интересы, наверно, совпали не случайно. Учитель увлёк своих учеников. Для многих он проложил первую лыжню, а теперь они уже сами идут по снежным лыжным путям.

Анатолий Кузнецов, ученик десятого класса, тренирует пятиклассников Андрея Ладыгина и Ваню Голубева.

О наших отрядных делах

Когда меня в прошлом году выбрали председателем Совета отряда, я не знал, с чего начать. Хотелось сделать всё сразу, и я за всё брался сам. Но почему-то ничего не получалось; и мне было очень обидно. Старшая вожатая тогда сказала, что ничего хорошего в отряде не получится, если заботиться об этом будет только председатель отряда. Нужен пионерский актив. И вот тогда я понял свою ошибку, почему у меня ничего не получалось, и стал присматриваться, какие же в моём отряде ребята, что с ними можно делать. Скоро я увидел, что активных пионеров очень мало, больше всё таких, которые ничего не хотят делать. «Как же быть?» — думал я. И, знаете, до чего мы додумались на одном Совете отряда? Конечно, теперь об этом даже смешно вспоминать, а тогда нам это показалось целым открытием. Мы вдруг догадались, что ребята не хотят ничего делать потому, что в нашем отряде очень скучно.

Приближались зимние каникулы. У нас было много любителей покататься на лыжах и коньках, и мы решили в первый же день каникул устроить лыжный пробег. Мы тогда объявили: «Кто будет лучшим лыжником и конькобежцем в нашем отряде?»

В классе начались разговоры о пробеге. Я наблюдал за ребятами и, когда увидел, что желающих очень много, сказал им о самом трудном, без чего не могло быть пробега: участникам надо сдать нормы по лыжам на значок «БГТО». «Неужели всё сорвётся?» — беспокоился я. Особен-

но я боялся за «нарушителей». Я терпеливо ждал два дня. А на третий они пришли и принесли справки, что нормы действительно сдали. Вот когда радости моей не было предела! Я радовался своей первой победе в работе.

Пробег прошёл хорошо. Наш отряд взял первенство. Лыжники нашего отряда были лучшими в дружине. Нам это так понравилось, что у всех появилось желание быть впереди во всём. С этого и началось. Что бы в дружине ни делалось, — наш отряд всегда впереди. Общая работа сделала отряд дружным до конца учебного года.

В этом году меня опять выбрали председателем Совета отряда. Но теперь всё идёт иначе. Почти все пионеры нашего отряда — хорошие общественники. А прошлогодние «нарушители» — теперь мои лучшие помощники. Вот, например, Руслан Беляков. Когда-то его трудно было втянуть в работу, а сейчас он уже комсомолец, член Совета дружины, ярый блюститель порядка и дисциплины. Ведь мы уже в седьмом классе и понимаем, что должны быть хорошим примером для маленьких ребят. И мы это доказываем на деле.

Сейчас большинство из нас стали членами клуба юных мастеров при Доме пионеров, хотим фантазировать, изобретать. И ещё мы решили не отставать от девочек в художественной самодеятельности. Неужели мы хуже девочек можем петь, играть и плясать? Не думаю. Мы уже организовали шумовой оркестр. Желающих оказалось много. Нашлись чтецы, найдём и певцов.

Мне очень хочется знать, как работают отряды в других городах. Председатели отрядов, давайте расскажем друг другу об этом!

Игорь Ивановский.

председатель Совета отряда № 1,
1-я мужская средняя школа,
г. Тушино, Московской области

Экзамен Юры Тараканова

Юри Тараканова в нашей школе знают как хорошего ученика, лучшего в отряде вожатого звена и очень хорошего товарища. Кроме того Юра — замечательный физкультурник. Совет отряда не раз поручал ему проводить зарядки, строевые занятия, спортивные игры на собре. И Юра охотно это делал. Вот почему все ребята в отряде очень обрадовались, когда узнали, что Совет дружины решил присвоить ему звание пионера-инструктора физкультуры.

А было это вот как.

На Совет мы пригласили директора школы Александра Степановича Колобкова и преподавателя физкультуры Анатолия Сергеевича Алтынова.

Присвоение звания пионера-инструктора — дело серьёзное. Надо проверить, заслуживает ли его пионер, поэтому на Совете дружины Юре был устроен экзамен.

— Покажи-ка, Юра, упражнения комплекса «БГТО» на «отлично», — сказал Анатолий Сергеевич.

Юра сперва стушевался:

— Я в ботинках, хорошо не получится.

— Ничего, мы учтём это, — ответил преподаватель.

О ТОМ, ЧТО МЫ УЗНАЛИ В МУЗЕЕ

Недавно мы всем классом ездили на экскурсию во дворец-музей графа Шереметева, который находится в Останкине под Москвой. Дворец произвёл на нас очень сильное впечатление. Здание, построенное в античном стиле, отличается строгой красотой. Оно украшено колоннами, перед дворцом стоит статуя Аполлона — бога солнца и покровителя искусства по греческой мифологии.

Мы осмотрели весь дворец, побывали во всех его залах и увидели многое красивого. Особенно прекрасны Египетский и Венецианский залы.

Дворец был построен сто пятьдесят лет назад. Архитекторы, плотники, резчики по дереву, художники — все они были крепостными графа Шереметева. Руководил постройкой крепостной архитектор Павел Ар-

и Юра хоть и был не в физкультурном костюме, но все упражнения выполнил очень точно и красиво.

— Ставлю отличную оценку, — сказал Анатолий Сергеевич и спросил:

— А сможете провести спортивную игру?

— Какую: на внимание, на повороты или?..

— На внимание! — крикнуло несколько голов с сразу.

Юра подал команду: «Становись на игру!» — и все члены Совета дружины встали со скамеек. Юра объяснил правила игры и под общие шутки и смех провёл её. Тут выяснилось, что похвастаться членам Совета дружины нечем: внимательных оказалось только один из нас.

— Полезно проводить такие игры, — смеясь, сказал директор школы.

Потом Юра рассказал, как он проведёт в отряде соревнования на лучшего скорохода и бегуна.

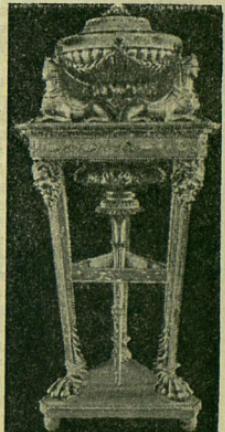
На экзамене мы убедились, что Юра — не только физкультурник, но и умелый организатор массовых спортивных игр. Совет дружины единогласно решил присвоить Юре Тараканову звание пионера-инструктора по физкультуре и поручил ему руководить физкультурным кружком в отряде.

На следующий день решение было объявлено на общедружинной пионерской линейке. Теперь в нашем отряде есть свой инструктор по физкультуре.

Борис Матвеев,

председатель Совета отряда 6-го класса
33-й школы г. Ярославля

гунов. Эти русские мастера создали замечательные произведения искусства. Сколько труда и какое художественное мастерство нужно было для того, чтобы так красиво расписать цветными красками потолки! И ни где рисунок не повторяется: в каждом зале он всё новый и новый. Краски до сих пор сохранили свою первоначальную свежесть, несмотря на то что прошло уже полтора века. Поразили нас паркетные полы дворца. Они составлены из разных пород дерева, удивительно искусно подобранных в сложные красивые узоры, которые так же, как и рисунки потолка, ни в

Этот стол и сфинксы сделаны из дерева.

Внешний вид дворца.

Одни из дворцовых залов.

одном зале не повторяются. Во дворце есть комнаты, паркет которых составлен из семнадцати различных пород дерева. Эта комната замечательна тем, что в ней был подписан проект Указа об отмене крепостного права.

Весь дворец целиком построен из дерева. В нём всё деревянное: колонны, очень искусно отделанные под мрамор, мебель, даже статуэтки, при взгляде на которые никогда не подумаешь, что они не бронзовые, а деревянные. Почти всё во дворце сделано художественной резьбой. Искусство резьбы по дереву здесь достигло своей наивысшей красоты. Очень изящны и красивы деревянные резные люстры. Какой талант и какое терпение нужны были для того, чтобы вырезать из дерева эти изящные, лёгкие изобуные листья на люстре в театральном зале! Тяжёлая деревянная люстра кажется ажурной и лёгкой. В зале, где теперь находится картинная галерея, люстра сверкает, как кристаль, и словно парит в воздухе.

Экскурсовод рассказал нам о театре того времени. Театр графа Шереметева был одним из лучших в России. Его посещала высшая придворная знать. А играли в этом театре крепостные актёры. Трагически сложилась жизнь многих из них. Некоторые гибли совсем молодыми, в расцвете творческих сил. В народе осталась песня о крестьянке, на которой женился барин. Это песня о Параше Жемчуговой — талантливой крепостной актрисе графа Шереметева. Её судьба сложилась иначе, чем других крепостных актрис. На ней женился граф. Но это не принесло ей счастья. Несмотря на то, что Параша была образованной и талантливой актрисой, её всё равно презирала придворная знать. Жизнь Парашы была очень тяжёлой,

и она умерла от горловой чахотки в тридцатичетырёхлетнем возрасте.

Осмотрившая дворец, с гордостью думашь о том, что его строили простые русские люди. И горько становится, что труд этих прекрасных мастеров, живших в курных избах и слепнувших на работе, никак не ценился. Ярким примером этого служат замечательная картина крепостного художника Николая Аргунова «Узанный Ахиллес». Шереметев выдавал эту картину за произведение немецкой художницы Кауфман. В то время были модны произведения иностранных мастеров, а своё родное, русское считали плохим. Только недавно было открыто, что эта картина была написана Аргуновым.

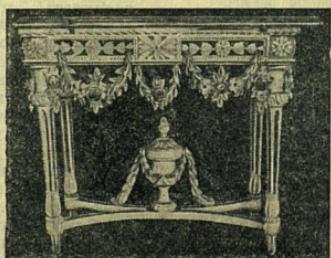
В музее есть комната, которая показывает, как Шереметев обращался со своими крепостными. В ней мы увидели кандалы, в которые заковывали пропизнавшихся; рогатки, которые надевали на шею человека, так что он не мог ни спать, ни даже повернуть головы; тяжёлый чурбан с толстой цепью, который надевался на шею, чтобы человек не мог убежать.

Девочки нашего класса очень довольны экскурсией. Она наглядно показала нам громадную разницу, которая была между жизнью богатых вельмож и простых русских людей. И мы подумали о том, какая сильная и мудрая душа была у людей, сумевших в нищете и унижении создать такую удивительную красоту.

Весной мы опять поедем в музей. Хочется ещё раз посмотреть на этот замечательный памятник русского искусства.

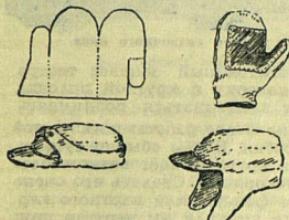
Галина Медведкова,
Ирина Друян,

ученицы 8-го класса
163-й школы г. Москвы

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

КАК СДЕЛАТЬ БОТИНКИ НЕПРОМАЕМЫМИ? Смазь их каким-нибудь жиром (ворвялью, касторкой, рыбным жиром, говяжьим салом, смешанным с дёгтем). Смазывать нужно сухую обувь, раза два-три, пока жир не перестанет впитываться кожей. Это—хорошее средство против сырости, но жир недолго держится в коже, поэтому смазывать ботинки не реже раза в месяц.

Такие варежки и шапочку ты можешь спицами сам.

ЛЫЖИ У ХОРОШЕГО СПОРТСМЕНА ВСЕГДА ДОЛЖНЫ ВЫТИ В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ.

Приди с прогулки, очисти лыжи от снега и вытинаса кошкой. Чтобы лыжи не покоробились и не искривились, храни их в холодном месте и обязательно в распоряжке.

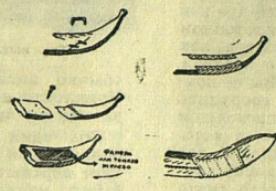
Чтобы увеличить прочность лыж и улучшить их скользжение, пропитай скользящую поверхность лыж смолой и смажь лыжной масой.

Для этого прогрей скользящую поверхность лыжи над жареной, примусом или перед печью, покрой её тонким слоем смолы и сплюсни нагрет, чтобы смола впиталась в дерево. Проделай это несколько раз, пока смола не перестанет впитываться в древесину и лыжи не станут тёмно-коричневыми. После этого смажь скользящую поверхность, не разогревая её, тонким слоем лыжной масы, разотрой ладонью или пробкой до тех пор, пока не появится розовый глянец. Подержи лыжи минут 10—15 на дворе в вертикальном положении — и можешь отправляться в поход.

БОТИНКИ ЛЫЖНИКА должны быть на один—два номера больше, чем обычно, чтобы можно

было надеть тёплые носки и портняки и постелить для тепла суконные, пойлочные или соломенные стельки. В сильные морозы ноги оберни ещё газетной бумагой. Не перегибай ноги туго шнурками или обмотками: от этого уменьшается приток крови к ступням и ноги сильней зябнут. Начинай шнуровать не очень туго, на подъёме затянь шнурок потуже, выше голеностопного сустава сделай узел и продолжай шнуровать совсем слабо, чтобы ботинок не сжимал мышцы.

ЕСЛИ У ТЕБЯ ПОЛОМАЛАСЬ ЛЫЖА, не выбрасывай её, а пострайся починить. На этих рисунках ты видишь, как это нужно сделать.

МИКИЕ КРЕПЛЕНИЯ ты можешь сделать сам. Подбери для этого толстые, прочные ремни и пропитай их жиром (лучше всего го-

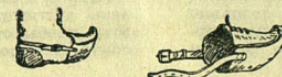
мешковины) сделай парус, как показано на рисунке. ПОДНЯТИЙ ПАРУС ПОМЧИТ ТЕБЯ СО СКОРОСТЬЮ ВЕТРА.

Хорошо отдохнуть и обогреться на привале у костра. А УМЕЕШЬ ЛИ ТЫ БЫСТРО РАЗЖЕЧЬ КОСТЕР? Сначала сложи пирамиду из тоненьких сухих прутиков, в середину её положи бересту. Когда разгорится тонкие палочки, подкладывай в костёр более крупный хворост.

вившим салом). Делай их такой величины, чтобы в них входил только носок обуви (до основания большого пальца). Если ты ходишь на лыжах в ватенках, спи сеbe кожаные наспинники. Наверху сделай шнурковку, тогда наспинники можно будет надевать на большой и на маленький валенок.

ДЛЯ ТЕКУЩЕГО РЕМОНТА лыж, палок, ремней у лыжных креплений один из лыжников вашего звена в походе должен иметь в своём вещевом мешке пило, буравчик, отвёртку, острый складной нож, лёгкий молоточек, маленькие гвозди и шурупы, съёмочные ремешки, прочный крачный шнагат, кусочки фанеры и жести.

Обычно ты пойдёшь на лыжах со скоростью 10—12 километров. Но ты можешь увеличить эту скорость, заставив служить тебе ветер. Из-

ПРИКРЕПЛЯЙ КОНЬКИ К БОТИНКАМ так, чтобы лезвие конька приходилось не только на середине подметки, а миллиметра на два ближе к внутренней стороне ботинка у каблука и между основанием большого и второго пальцев ног спереди. Лезвие конька должно быть длиннее подошвы ботинка не больше член на 2,5—3,5 сантиметра.

УХОДЯ С КАТКА, ВЫСТРИКИВАЙ КОНЬКИ ТРЯПКОЙ. Не сущи их на печке. Через полчаса после того, как привёл домой, снова протри их фланелевой тряпкой. Как только обнаружишь ржавчину на коньках, протри их керосином.

ЗА КАТКОМ НУЖЕН УХОД. Если вы залили каток в своем дворе или возле школы, назначайте на каждый день дежурных. Они должны убирать каток сразу же после катанья, пока изрезанный коньками мелкий лёд не прымёрз к катку. Убрайте сразу и только что высыпавший снег. Он тоже может прымёрзнуть ко льду. Все небольшие трещины и выбоины, образовавшиеся за день, вечером залейте водой, а утром бугорки и небольшие неровности счистите скребками.

Для уборки вам нужно иметь не сколько метров, деревянных лопат и движков (фасерных лопат шириной в один метр). Движки нетрудно сде-

Сюрприз отряду

Е. Фрадкина

Давайте, ребята, на одном из пионерских сборов устроим сюрприз отряду: покажем свой отрядный настолный театр. Да только чтобы всё было так, как в настоящем театре: по-серьёзнее, оборудованная сцена, освещение, музыка, конечно, интересно придуманный и разыгранный спектакль.

Это не только может хорошо получиться, но и делать такой театр очень весело и увлекательно. Знаю, в котором кто-нибудь из ребят может рисовать, альбом может спасти с такой задачей.

Для начала лучше взять какую-нибудь сказку. В сказках много поводов для переделки декораций и световых эффектов, что как раз легко и интересно сделать в картонном театре. Мы вам расскажем для примера, как можно поставить сказку Пушкина о мёртвой царевне и семи богатырях. Вы её помните? Прежде всего нужно соорудить «коробку сцены» — так в настоящем театре называется помещение, в котором происходит представление. У вас это должно быть картоном, а ещё лучше фанерной ящики, у которого снята крышка и вынуты обе боковые ставки, чтобы удобно было переделывать декорации и менять настройку ящика. Ну и конечно же, не забывайте о переносном хранении верхней перегородки ящика.

Скрепляйте ящики гвоздиками, на которых вы будете макетные гравюры, на которые подвесите «кулисы», то есть вертикальные полосы плотной бумаги (из неё мы советуем вам делать декорации). Так вы скроете от зрителей то, что лежит за сценой, «за кулисами». Но потолком сценической коробки помещается основная световая аппарелия, и туда же поднимаются отыгравшиеся декорации. Их не должно быть видно из зрительного зала. Поэтому наружеке ещё три-четыре полосы, как для кулис, и, прикрепив их к днищу стороны к тоненьким палочкам, подвесите одну из другой горизонтально. Так всегда делают в настоящем театре, где такие полосы называют «шторгами».

В той стекне ящика, которая обращена к зрителю, нужно вырезать «зеркало сцены», то есть арку, оставив вокруг неё довольно широкую раму. Эта рама, обрамляющая зеркало сцены, называется «порталом». За ним

Так выглядит дворец сказочного царя.

обычно висит постоянный занавес театра. Приклейте его наизнанку к круглой полочке, на ней он будет наматываться поднимаясь.

Пол — один из наиболее работающих частей сценической коробки. В нём обычно существует вертикальный круг: он даёт возможность быстро менять декорации. Сделать его очень просто. На альбоме фанерной или плотной картона при помощи циркуля или вертикального круга нужного для ваших декораций диаметра, а затем его выпиливайте или вырезаете острым ножом. Наклейте этот круг на пол вашей сцены, и украсьте его гвоздиками в самом центре. Гвоздь будет служить осью, и вы легко сможете вращать круг.

Хорошо сделать ещё круговую лодочку. В фанерке или картоне у вас осталась дыра от вырезанного круга. Найдя её центр, вы чиркните и вырежьте второй круг, несколько большего диаметра, и получите колышко, которое накалывающее тоже на пол сцены, так, чтобы оно плотно обхватило первый, уже укреплённый круг. Эту лодочку вы также сможете двигать, и это даст вам большие возможности для движений фигуру.

Размер зеркала сцены мы предлагаем сделать сантиметров 60 в ширину и 50 в высоту, чтобы спектакль можно было показывать сразу большому количеству ребят. А то

Это теремок семи богатырей в лесу.

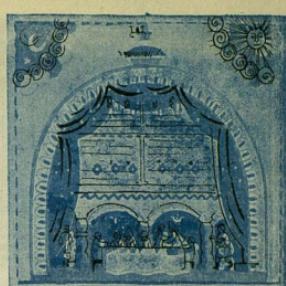
маленьком ящике фигуры получатся совсем крохотные. Самый же ящик надо сделать глубоким, примерно в 80 сантиметров, и значительно шире и выше зеркала, так, чтобы поместились кулисы и падуги. При зеркале в 60 × 50 сантиметров портала должен иметь метр в ширину и не менее 80 сантиметров в высоту.

Посмотрим теперь, как можно разыгрывать в вашем театре сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях.

Прежде всего убедитесь, кто из вас будет читать текст сказки, а кому говорить не могут. Затем да человеку должны взять на себя ответственную роль рабочих сцен: быстро и беспомощно переставлять декорации и актёров. Затем должен быть «свешиватель» — очень важный работник в театре, который не только тушит и зажигает свет в антуражах, но по-разному освещает все картины. В театре очень многое зависит от света: он определяет время, создает настроение, помогает передать пространство. Имея два электрощипура с лампами, выкрашенными цветными лаками в разные цвета, вы сможете многое добиться.

Итак, дадим звонки, туски свет в зрительном зале и начинем представление.

Перед зрителями дворец сказочного царя. Он нарисован на занавесе, но в нём вырезаны ворота и открываются окна. В одном из них мы видим тоскливую царевну. Она ждёт

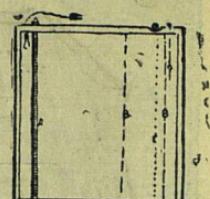
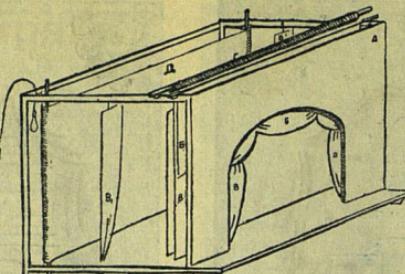
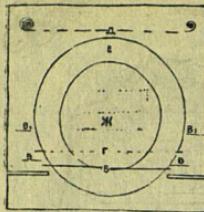
А здесь вы видите дворцовые павильоны.

царя. Он появляется из окружённый свитой в правых воротах дворца. Фигурки, постаслевшие на вертильную дорожку, как бы проходят по переднему плану и, войдя в левые ворота, скрываются во дворце. Окно захлопывается в сказке говорится, что царница «восхищена» не снесла и к обедне умерла».

Занавес- дворец, приподнимаясь до половины зеркала сцены, открывает нам новую картину: под подставляемым «затыком» (так называется русский занавес, который служит фоном) нарисованы колонны своды царских палат. Новая царница разговаривает с волшебным зеркальцем. Разговаривая, его отмечают, что «царевна всех любит, всех руки милит, более любит, — сестру свою, — и засыпает». Появляется здесь Чернавка, которую вы выделили из-за кулис при помощи цветных палочек, прикреплённой к фанерке, «весь царевну в глауху лесную».

Занавес- дворец опускается, скрывая палаты. В левых воротах появляется Чернавка, ведущая царевну. Она проходит по сцене при помощи той же дорожки и исчезает в правых воротах. Занавес снова поднимается открылся теремок семи богатырей в лесу, на который набирает царевна, спущенная Чернавкой. Передняя стена теремка только прислонена к земле, её можно увести в ку

Вот тут перед вами чертежи вашего будущего театра. На первом изображены пол сцены (вид сверху), на втором — общий вид спенической коробки, на третьем эта же коробка показана сбоку. Буквы на чертежах обозначают: А — портал, Б — падуга, В и В' — кулисы, Г — занавес, Д — панорама, Е — дорожка, Ж — круг.

лисы. Тогда зритель увидит всё, что происходит внутри. Сказка рассказывает, как злая мачеха подсыпает старуху-чернице, которая даёт царевне отравленное яблоко, а верный пёс старается помешать ей. Этую сцену хорошо можно решить на движущихся площадках: собаку поставить на круг, а старуху — на дорожку. Двигая обе площадки, мы заставим собаку гнаться за черницей.

Женихи царевны королевич Елисеем отправляются на поиски невесты. На вороном, богато украшенном коне выезжает он из ворот. Дворец исчезает — и открывается картина леса. Теремок уже убран рабочими сцены. Перед Елисеем — простор, голубая река, берёзы. Облезкая сцену при помощи дорожки, королевич появляется на просвещенном, где загорается Солнце. Оно вырезано в верхнем, правом углу портала и таклеено тонкой бумагой. Солнце загорелось, когда осветитель подставил сзади лампу.

Солнце не видало, куда скрылась царевна, и Елисеи едет дальше. На сцене уже ночь: тёмные ели отражаются в озере. Всё дальше едет царевич. Луна заходит за тучу, на сцене новые, невиданные места. Как же это выполнить? А вот как: в самой глубине сцены в двух углах её, стоят две круглые палочки, в высоту ящика. Их можно вертеть: они свободно стоят в круглых дырочках, прорезанных в полу. Между ними длинная бумажная лента, на которой нарисовано всё, мимо чего проезжает царевич. Раскручиваясь с одной палочки, лента наматывается на другую, и получается движущийся занавес-дворец. Посмотрите, на странице 16—17 внизу нарисована такая палочка.

Загоревшийся в левом углу портала Меч также не указал дороги царевичу.

Наконец буйный Ветер рассказал Елисею, где его невеста:

«Там за речкой тихоструйной

Есть высокая гора,

В ней глубокая нора;

В той норе, во тьме печальной,

Гроб качается хрустальный».

Тут панорама останавливается.

Сцена пробуждения царевны очень романтическая и сказочная. Мы вам советуем показать её через «пол»: У вас это будет калька или восковка. Ею нужно заклеить вырезанную в горе нору. Тогда, если вы выключите общий свет и оставите только луч света из-за панорамы, всё, что будет происходить в норе, зрителю увидят как бы в дымке. Сияющие контуры и краски, пропадут ненужные подробности — вы сами удивитесь, какая сказочная получится картина.

Будет интересно, если вы, показывая возвращение Елисея, повернёте всю вашу панораму в обратную сторону — царевич возвращается той же дорогой.

Вот он на верном коне въезжает в ворота опустившегося занавеса-дворца. Его радостно встречают царь со свитой. Нет только мачехи: она со злости умерла.

Приподнявшийся занавес-дворец раскрывает нам картину свадьбы. За праздничным столом пишут гости, а вокруг (по круговой дорожке) прогебают слуги.

Вот как можно поставить сказку в карточном театре, ребята!

Многое вам придётся придумать самим, а может, и сделаете по-другому. Если вы мастера на выдумки, получится прелистательный спектакль. Показав его на каникулах своему отряду, вы доставите всем большое удовольствие.

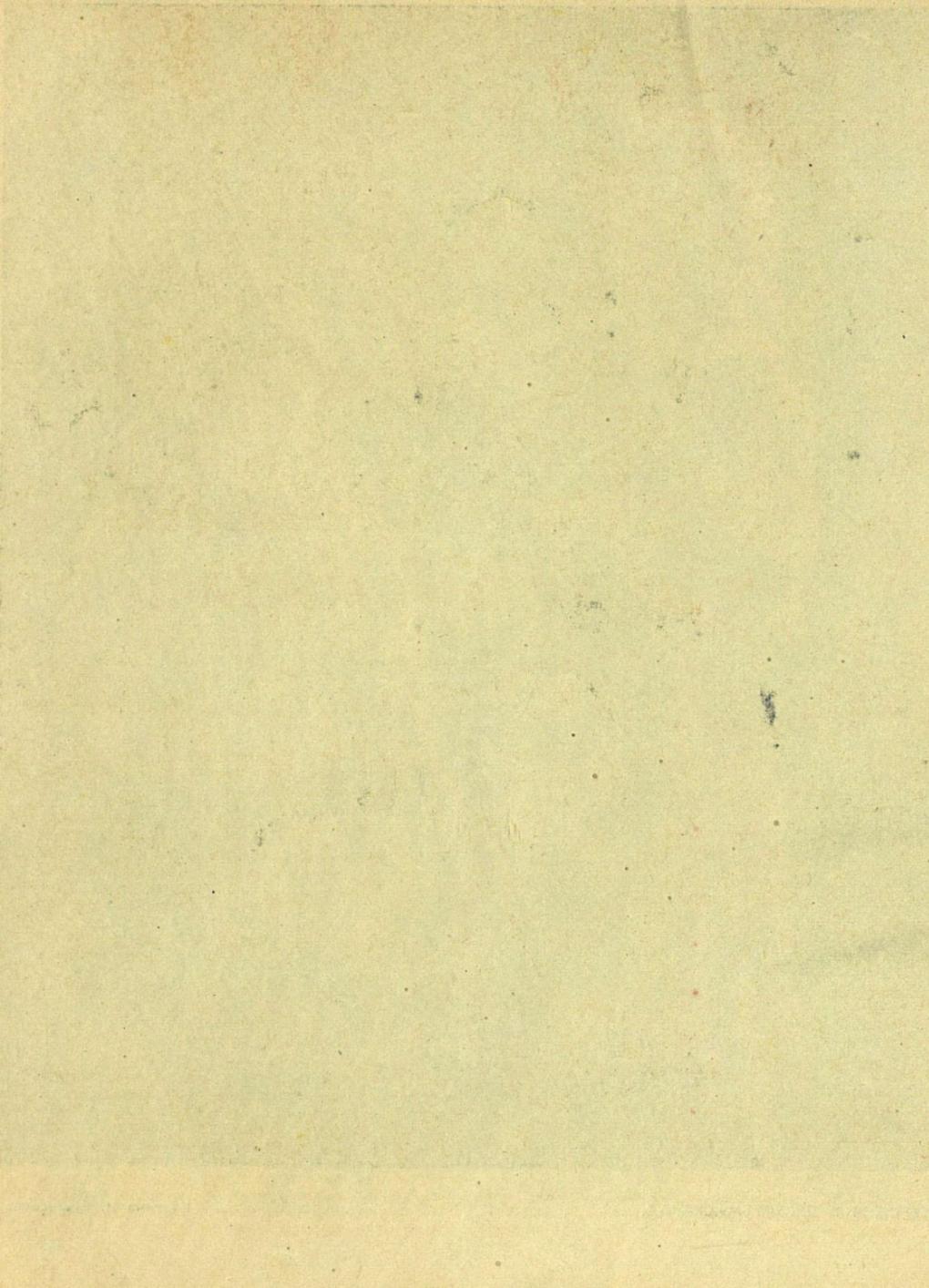
Напишите нам, как у вас получилось.

СЕГОДНЯ В ШКОЛЕ МАСКАРАД.

Картина И. Бржеской.

СВЕТ МОСКВЫ

Главы из повести
(Окончание)

Лев Кассиль

Рис. В. Цельмера

КОНИ И ДЖИГИТЫ

И сразу вокруг меня стало темно и спокойно.

— Салам! — сказал кто-то.

Я отдохнула и увидела, что стою в теплушке. Амед держит мой чемодан. А другой, высокий, в косматой шапке, пожилой, подбирает с полу мои рассыпавшиеся из узла вещи.

— Салам! Здравствуй, пожалуйста...

— Ай-ай, думал, не сядешь, — сказал Амед и засмеялся.

И вокруг нас и сверху все засмеялись, свишились с нара. Тут только я стала как слешищут соображать, что же это я наделала, как я могла на такое решиться...

За моей спиной топали по деревянному настилу вагона лошади, пахло конопицей — сенном и навозом. Висели торбы с бахромой. С вагонных нар смотрели на меня загорелые, скучные джигиты. Но среди них были и два русских парня-кавалериста. И один из них крикнул:

— Что же стоите, девушка? Занимайте место, согласно взятому билету!

И Амед торопливо заговорил:

— Правда, что такое, честное слово, ты садись, пожалуйста, вот сюда. Эта вот нара,

весь уголок твой будет. Я уже всем сказал. Вот тут попону мы повесили. Видишь, получается чистая квартира.

— Каюта люкс! — крикнули сверху.

— Как же я так поеду? — растерянно бормотала я, оглядываясь. — Ой, что это я, Амед, такое наделала! И ребят бросила.. Правда, там на мне только четверо остались, с ними вполне Катя Ваточкина управится и Анна Семёновна.. Всё-таки мне, может быть, лучше слезть?..

— За вход и выход на ходу три рубля штраф! — прокричал сверху тот же весёлый голос.

— Зачем себя так беспокоишь? — увещевал меня Амед. — Что такое, напрасно совсем такое беспокойство! Доедешь совсем хорошо. Бойцы тебя смотри как уважают. Ты у нас гость. Чего боишься?

Мне отвели отдельный уголок, завешанный чапаками, попонами и плащ-палатками, положили мне седло под голову, накрыли нары мягкой кошмой. Сперва я с опаской поглядывала на этих высоких, длиннобровых, скучных бойцов. Некоторые из них почти не понимали по-русски; глаза у них были диковинные, но, когда они смотрели на меня, лица их будто веселились, смягчались. Я несколько раз слышала, как они называли имя моего

брата Георгия. А Амед, счастливый, гордый, помогал мне разложить мои вещи и, довольный, поглядывал на своих джигитов, почти тепло и неспешно разговаривавших со мной.

— Нас Москва зовёт, — объяснял мне старый Курбан. — Сталин телеграмму давал генералу Павлихину. Туркменские конники, говорит, — очень хорошие джигиты. Большой поход ходили. Помнишь? Теперь народ говорит: немца надо гнать от Москвы...

И долго ещё пояснял мне Курбан, что пошли защищать Москву, куда позвал всех Сталин, самые лучшие туркменские джигиты.

А потом мне показывали коней. И лучший среди лучших был, конечно, Дюльдяль.

— О, Дюльдяль! — ласково говорил Амед, похлопывая Дюльдяля по длинной шее.

И конь, коса на меня крупный и яркий глаз, делал вид, что кусает Амеда, осторожно сжимая длинными зубами, видными из-под приподнятой подвижной губы, руку хозяина.

— А нехорошо, Амед, что я ребята бросила, а? Недадно это всё... И попадёт мне. Ты только не думай, пожалуйста, что я из-за тебя.

— Конечно. Кто думает! Я понимаю так: в Москву захотелось. Отец там, мать там.

— Просто я считала, Амед, что всё равно не могу без Москвы. А как ты думаешь, отбьют от Москвы? Не пустят?

— Ни за что, нет!.. Там Сталин. Он как сказал?.. Так и будет! Смотри, сколько народа — все за Москву!

— Я тоже почему-то уверена, что не пустят немцев в Москву. А все-таки страшно, Амед... Скоро бы в Москву приехали, — сказала я потом. — Непременно где-нибудь Игоря разыщу. Ты знаешь, Амед, как меня Игорь беспокоит.

Мы долго молчали. Потом Амед спросил:

— Сима, а этот... твой знакомый... Игорь, он тебе большой друг?

— Конечно, друг... Да нет, ты не то то думашь, Амед, он же в пятом классе. Это пионер мой.

Я слышала, как облегчённо вздохнул Амед.

— Ой, Амед, ты ужасно до чего смешной! И я ужасно рада, что так хорошо получилось и мы встретились опять.

Быстро шёл наш поезд. Везде мы встречали зелёные огни семафоров. На третий день в вечеру замелькали знакомые подмосковные поля и лесочки. Тут везде было очень много военных. А поля и равнины до самого горизонта были перечёркнуты рядами противотанковых ежей, сделанных из отрезков стальных рельсов. И по щоссе двигались ганки, колонны грузовиков. Чувствовалось, что близко Москва, и Москва не обычна. Москва военная, фронтовая. Это ощущалось уже и по тому, как подтянулись бойцы, как тоскливели их лица.

Но всё-таки для меня было неожиданностью, когда под вечер поезд вдруг остановился на какой-то небольшой станции. Раздались снаружи крики команды, загремели по всему составу ролики, на которых визжа, отодвигались вагонные двери, всё забегало вокруг. Появились тяжёлые доски. Их наклонно приставили к нашему вагону и ста-

ли по ним выводить осторожно ступающих лошадей. Я выглянула наружу.

К станции подходил уже другой состав. Из него на ходу высаживали матросы, в бушлатах, с автоматами в руках. Бид у них был такой, как будто они прыгали с полного хода корабля в воду. Они выпрыгивали, скатывались под откос и тут же строились. А пространство вокруг всё было в движении. Раз гружали орудия. Рычали моторы, тащили, везли какие-то ящики.

— Рассредоточивайтесь! — командовала кто-то. — Маскируйте транспорт!

На меня никто не обращал внимания. Я стояла у вагона с вещами. Все уже выгрузились и ждали команды.

— Амед, — сказала я, наконец улучив момент, когда он оказался возле меня. — Куда же мне теперь?

Он растерянно огляделся и подошел ко мне:

— Не знаю, Сима, друг, как дальше делать... Тут Москва близко. Шестьдесят километров ещё. С нами нельзя, понимаешь... Как можно с нами? Нас — на фронт. Ну как тебе туда можно?

— Амед...

— Зачем так говоришь? Нельзя никак. Я тебе прошу... Ты поезжай в Москву...

В это время раздалась промкая команда. И все бойцы кинулись по лошадям, которых держали коноводы.

— Прощай, Сима, друг! Будем ещё видеть друг друга. Будем, Сима! Помни, друг будешь, товарищ на всю жизнь. Я верно говорю. Будем? Да?

— Да, да! Будем! — закричала я. — Ты пиши. Ты знаешь мой адрес.

— По ко-о-ним!.. По ко-о-ним! — разноголосо запели там и здесь видлы путей. И Амед взлетел на коня, словно не с земли, а откуда-то с ветра принесло его на кожаное лёгкое седло. Дюльдяль, почтая всадника-хозяина, гордеяще вскинув красивую голову, раздул ноздри, прядая ушами, легонько осаживаясь на длинные и тонкие задние ноги. Но Амед с вниманием затвердевшим лицом вернулся коня на место, выроняв строй.

И опять раздалась команда, и застучали копыта по сухой осеннеей земле. В последний раз оглянулся и кивнул мне, блеснув глазами из-под косматой шапки, Амед.

НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Как тиха и пустынна Москва! Ни души на улицах.

Я выходжу из подъезда вокзала. Пять часов утра на слабо светящихся вокзальных часах.

Тихи и безлюдны улицы. Нигде ни огонька. И ни одного прохожего. Словно город опустел, как я представила себе тогда на островке, когда мир вокруг нас погасил все свои огни.

Гулко раздаётся стук моих каблуков по панели.

Но нет, он не безлюден, мой большой город! Вон на углу там зашевелились две тёмные тени и на мгновение вспыхнула прикрытая сверху ладонью спичка и отразилась в плоском лезвии штыка. А на перекрёстке мерно покаживает фигура в шац-палатке. И полной её зажёгся зелёный свет. Проехала че-

Начинает светать. Появляются редкие прохожие.

рэз улицу грузовая машина с полуупритушенными сиреневыми фарами.

И постепенно огромная тёплая радость разливается по всему моему существу. Москва! Я вдыхаю сырой, холодный утренний воздух, пахнущий бензином, слегка отдающий гарью очага: где-то, должно быть, затопили печку. Нет, ты жива, моя Москва! Дышишь и дышишь, ты только притаялась. И вот я иду по Москве. Мне хочется закричать во всё горло, чтобы знали о моём возвращении. И желание это так велико, что я тихонечко шепчу про себя: «Ура... Я иду по Москве... Здравствуй, Москва! Это я! Ура!».

Начинает светать. Появляются редкие прохожие. Теперь я вижу, что Москва вся наготове. Кругом на склонах Яузы противотанковые ежи, колы, опутанные колючими проволокой, на углах какие-то приземистые круглые будки с прорезями, бойницами, из которых кое-где уже торчат пулемёты. На перекрёстках появились какие-то валы с узкими проходами, заложенными мешками с землёй. Значит, здесь готовы ко всему. И город не открыт для врага. Никто не застанет Москву врасплох.

Что это?.. В утренней тишине слышатся какие-то всему существу моему знакомые, переливчатые, словно по лесенке сбегающие звуки. Стойте! Да это же бьют кремлёвские куранты. Ветер донёс сюда их далёкий, многострунный перезвон. И я могу слышать их вот здесь на месте, не по радио, а просто так, своими ушами! И я чувствую, что сейчас зареву, просто-напросто зареву от радости.

В подъезде у нас темно, но путь уж я помню каждую ступеньку. Вот сейчас на повороте будет ямка на перилах. Вот она. Всё в порядке. А тут сейчас одна ступенька выбита. Пожалуйста, — вот она, эта ступенька.

Уф!. Наконец я на нашей площадке. Я сбрасываю с себя узлы, утираю взмокший лоб и осторожно стучу в дверь. Никто не открывает. Я стучу сильнее — уже не костяшками пальцев, а кулаком.

Падает за дверью цепочка, и дверь приоткрывается. Передо мной стоит человек в синих галифе, в ночных туфлях и в тёплой фуфайке.

— Простите, пожалуйста, это двадцать восьмая квартира?

— Вам кого?

— Мне наших... Крупицыных.

— Крупицыны выехали, — говорит человек в галифе. — Да вы войдите.

Я вхожу в нашу переднюю. Триумф в углу завешено газетами, спицами чёрными нитками.

— Я их дочка, Серафима Крупицына.

— А-а, — говорит новый жилец нашей квартиры. — Входите, я сейчас. Виноват.

Он выходит и сейчас же возвращается, застёгивая на себе военную тужурку, под меховым жилетом-телогрейкой.

— Видите ли, родители ваши эвакуировались. Но я полагал, судя по их словам, что вы тоже отбыли в эвакуацию. Меня временно поселило здесь домоуправление. Будем знакомы, Майор Проторов.

Он протягивает мне руку.

— Сима, — говорю я.

— Ну, располагайтесь, устраивайтесь. Если хотите чайку, спички вон там у керосинки. Газ выключен временно. Чай у вас есть? Я вам сейчас заварю.

Он гладит бритую голову, ожесточённо трёт щёки, сгоняя сон, возится с чаем. А я стою растерянная.

Вот этого я никак не ожидала. Хорошенькая история! Значит, я в Москве теперь совсем одна? Балласт! Как же я буду жить? Впрочем, там видно будет. Прежде всего надо скорее узнать что-нибудь об Игоре.

— Товарищ майор, а тут один мальчик такой не приехал? Игорем зовут. Не появлялся?

— Нет, мальчики тут не появлялись...

Плохо дело... Всё в квартире выглядит пустым, нежилым, голым, словно со всего

содрали кожу. Сняты гардины с окон. В гардеробе пусто. Только висит на перекладине моя старая, выильвшая лента, которой я когда-то заплела косы.

СУДЬБА ИГОРЯ МАЛИНИНА

Комендант нашего дома товарищ Ружайкин, у которого я решила спрятаться от Игоря, встретил меня довольно радушно:

— Ага, прибыла, значит? Ну, садись. А я уж тебя подождал. Погоди, погоди, насчёт спрятаться! Вот насчёт тебя самой телеграммочка пришла. Предупреждают. Ты что же это, красавица, на ходу с поезда нырнула? Весёлый разговор, хорошее занятие! А отец с матерью за тебя волнуйся? Андрей Семёнович уезжал, так последние глаза проплакал. А уж мать-то на машину аж замерзла положили: до того убивалась. Легко ли из своей квартиры-то выезжать, а ты, птица небесная, перелётная, взад-назад ездишь. Только для тебя и поезд ходят?

— Товарищ Ружайкин, я ведь не ради собственного удовольствия! Я приехала, во-первых, потому, что считаю, что раз Москва в опасности, то мой пост тут, в Москве.

— О-о! — протянула Ружайкин, посмотрев на меня скосу. — Ну, теперь порядок, Крупцина на свой пост приехала. Конец немцам! А то мы без тебя никак тут не справимся!

— Я не знаю, что вам так смешно, товарищ Ружайкин, — сказала я, не на шутку рассердившись.

— Ну, садись, не егози, чего вскочила? Я же тебя пока не выселяю никуда. А надо бы, по законам то военного времени, отправить по назначению... А вот как же ты из этой... двенадцатой квартиры Малинина сынишку-то не углядела? Он ведь при тебе был? И вдруг опять тут обявился.

— А вы откуда знаете? Он здесь, Игорь? Приехала?

Я вскочила, чтобы сейчас же бежать к Игорю.

— Да погоди, погоди, далеко бежать придётся.

— А где он?

— Вот это уж у тебя хотел спросить. Пришла, видишь, телеграмма, что сбежал он с вашего эшелона. Ну, значит, я её к делу подшила. Явится, думаю, тут я его, голубчика, спасаю, запакую, проштемплю и наложенными платежом отправлю. Жду-пожду — нет его. А тут, понимашь, зороваты стали. В сорок третий квартире, эвакуированной, печать с дверей сорвали, вещички кое-какие пропали. Ну, а тут подозрение вышло на парня одного. Да ты его знаешь... Васька Жмырев. Сам-то он подмосковный, из отчаянных. Да повадился ночевать тут, в доме пятнадцать. Ну, стали мы его легонько шуштать, а он говорит: «Прячём, — говорит, — я тут? У вас, — говорит, — на чердаке подозрительные лица живут? «Какие-такие «подозрительные лица? «А такие, — говорит, — числятся в эвакуации, а, между прочим, находятся тут». Сделали мы обход, и что же ты думаешь, застукали на чердаке Малинина сынишку, этого самого Игоря!

— Игоря?.. Не может быть! — вырвалось у меня.

— Может быть, раз я говорю. Квартира-то Малинина запечатанная. Он, верно, сунулся, леваться-то некуда, а он тут все ходы-выходы знает, ну и поселился на чердаке. Ну, привезли мы его к нам в комендатуру, следовательно, разговариваем. Так-то, конечно, при нём ничего не нашли. Только свои вещички и были. Я зря тень на дарни наводить не стану. Он мальчишка хоть срывной, но настичь плохого озорства — ни-ни. Строгий. Зёрнышка чужого не возьмёт. Тоже, понимашь, Москву защищать приехал, вроде тебя. Ну с ним-то у меня разговор покороче был. Я живенько созвонился с комендантром вокзала, просил его выпрямить билет. Как раз там один эшелон отходил. Поехал уже оформлять. Ну, а этого Игоря посадил тут у себя, поесть ему дал. И для всякой пожарной случайности на ключ запер. Прихожу обратно, — только тогс Игоря и видела. Окно, понимашь, открыто, и как он, голчонок, с такой верхотуры вылез, уму непостижимо! Удрал. Была мне через этот случай конфузия... Конечно, дела я тэх не оставил. Ищем. Везде я заявляла.

— А от отца его, с фронта, ничего не было?

— Нет, от него почты не имеется. Ну, иди, устраивайся. Жильца-то я к вам поставил на время. Военкомат просил, у них служит. Жилец тихий, обстоятельный. По крайней мере, квартиру сбережёт, лучше, что человек свой.

Невесёлая вышла я от коменданта. Бедняга Игорь! Наверное, натерпелась мальчуган...

Как-то утром наш комендант пришёл ко мне. В руке он держал жёлтый конверт трёхугольничком.

— Вот какое дело, Сима! — озабоченно начал Ружайкин. — Малинина след объявился. Вот на, прочти.

Я схватила жёлтый конвертик из обёрточной бумаги, вытащила из него исписанную крупными, неровными буквами разграфлённую страницу, выдернутую, должно быть, из какой-то китайской книги.

«Команданту домового правления дома № 17

Пишет вам Шубина Арина Парфёновна. У меня находятся ваш мальчики из дома № 17, квартира 12. Он был больной. Болен похоже тифом. Он был у одной молочницы в холодном сарае. Совсем пропадал. Есть такие ещё люди — не имеют сознания. И нет сознательности. Он отстал от поезда, когда эвакуировали. А я, конечно, его взяла, приютила. Выходила. Фамилия его Малинин. Звать Игорь. Он из вашего дома. У него отец на фронте. Командир. А я живу сейчас в Коревакове при музее, как моя квартира в Москве была разбомблена. Средств у меня нет. Мальчик раздеться, разутый. Питание тоже слабое. Ему нужна поправка. Не знаю, куды с ним податься. Может, надо ему пропуск выпрямить в Москву. Окажите ваше сочувствие, чтобы дать помочь.

К сему остаюсь Шубина».

— Что делать будем? Каково будет решение? — спросил Ружайкин.

— Я сейчас же туда поеду, — объявила я. — Дайте мне справку из домоуправления, а майор Проторов мне через военкомат устроит пропуск. В эту зону без пропуска же нельзя. Я знаю.

И я помчалась хлопотать. Меня отговаривали, но я и слышать ничего не хотела. Так была я рада, что Игорь нашёлся. Я решила тотчас перевезти его в Москву. Он, наверное, ослабел после болезни, и ему нужен особый уход.

Поезда до Борок уже не ходили, но меня по моему пропуску довезли на грузовике какие-то красноармейцы. Чем ближе я подходила к Кореванову, тем сильнее меня охватывало чувство особой настороженности, которое наложило отпечаток на всю эту окружность. Людей почти не было видно. Тянулись колья, опутанные колючей проволокой. Кругом шли рвы, с крутыми срезанными краями. Часто под голым кустом что-то начинало шевелиться, и вдруг я замечала там нору, из которой на дорогу внимательно глядела два глаза и чёрная дырка пулёмётного дула.

И вдруг что-то непрерывно ворочалось, перекатывалось. По всему горизонту, осеннему, неприятному, шёл неумолчный гром. Это не было похоже на дробный перестук зенитов во время воздушной тревоги. За горизонтом шла какая-то тяжёлая, трудная, погромыхивающая работа, не застывающая ни на минуту. Я знала: там фронт.

И вот, наконец, я сидела на табурете в сторожке музея, перед кроватью, на которой, свесив ноги, не достающие до полу, сидел покхудевший, стриженый, бледный Игорёк.

Мы уже обо всём поговорили с Игорем, обо всём! А он всё не выпускал мои руки из своих и перебирал похудевшими пальцами мои пальцы. Да, видно, крепко натерпелся он! Но каким недугом оказался этот Жмыреv! Он помог Игорю убежать тогда от коменданта, привёз к себе в деревню, тут он сперва пытался замештать Игоря в свои тёмные дела, хотел заставить его продавать краденые вещи, а когда тот не согласился, стал отнимать у него то платок, то рубашку, то пальтишко, сбывая их где-то. Когда Игорёк заболел, Жмыреv высыпал его в сарай, заявив, что он в доме не может держать заразного. Хорошо, что Ариша случайно увидела мальчика у Жмыреvов, Игорь узнал её, вспомни, что она работала у Расщепеи. Женщина сердобольная, тётя Ариша взяла его к себе.

Игорь был полураздет, но я привезла ему немножко вещей, полученных у коменданта. Я решила немедленно взять Игоря в Москву. Но короткий осенний день уже кончался, а нам надо было как-нибудь добираться до поезда. И мы решили остататься до завтра, заочевать тут, чтобы утром ехать с Игорем в город.

Быстро густили осенние сумерки на дворе усадьбы, и мрачен был заснеженный парк, а в нём старинный дом с белыми колоннами, с наглухо закрытыми ставнями.

Далеко над горизонтом проступало зарево, то разгораясь, то угасая. Над головой высоко, где-то под самыми осенними звёздами, ныли моторы самолётов.

Мы сидели в маленькой натопленной стоянке, шумел самовар, разомлевшая от чая Ариша, лениво слушала наш разговор.

И каждый раз, когда Ариша выходила за чём-нибудь из горницы, Игорь, торопясь, шептал мне:

— Вот папа когда вернётся, я ему расска-

жу, как ты ко мне хорошо относишься, Сима... Ты знаешь, Сима, ты мне лучше, чем сестра. Вот как тебе Расщепей был, так ты мне... Честное слово! Я тебе всю жизнь буду во всём помогать. Знаешь, как я рад, что ты за мной приехала!

НА ОТНЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Ночью я проснулась от тяжёлых и гулких ударов. Мне казалось, что пушки были теперь у меня над самой головой. Я открыла глаза. Шаль, которой было завешено окно, просвещивала какими-то бегающими огнями. Мне показалось, что два огромных глаза смотрят на меня, вперившись прямо в лицо. Они делались всё больше и больше, и в комнате стало светло от них. Они приближались, оглушительно скрежеща и рыча. И вдруг исчезли. В комнате стало темно, наступила тишина, сквозь которую я услышала гулкую беготню во дворе, быстро переговаривающиеся голоса и топот многих ног. И опять над самой головой раздались тяжёлые удары. Теперь я поняла, что кто-то стучит кулаком в дверь.

— Тётя Арица, тётя Ариша, — стала я бить Арину Парфёновну.

Она вскочила с лежанки, заметалась со сна и, притащив, побежала к дверям:

— Кто там... Батюшки!

Сильный голос пролаял за дверью что-то непонятное. И опять дверь затряслась от страшных ударов.

— Да, господи боже мой, сейчас отомкну, погодите вы, — бормотала в перепуге тётя Арица.

Грохнула щеколда, пахнуло свежим воздухом, в сенях упало ведро, затопали крупные мужские тяжёлые шаги, и мне в глаза удалил слепящий и колющий свет. Я зажмурилась. Но и закрыв глаза, я чувствовала, как по моим векам, по лицу скользит, словно опущившая, луч электрического фонарика. Вшедших не было видно в темноте. Только по полу, по кровати, по стенам скользили два светлых круга. Они сходились, разбегались, шныряли по всем горнице, и от них шли прозрачные конусы, острыми своими вершинами упирающиеся в две ослепительные точки, которые то взлетали, то опускались. И свет фонарика выхвачивал то край белой печки, то перекошенное от ужаса лицо Игоря, то вдруг в луче ярко загорался самовар.

— Свет нет? — раздался хрипкий голос оттуда, откуда шёл свет. — Русский зольдат нет? Это кто есть?

— Да детишки, господа солдаты, детишки, племянница с племяшкой, вы их уже не пожайте! Мальчик-то больной совсем, только после тифа.

— Зидеть тут, — рявкнул голос из-за фонарика, — зовсем тихо! Ходить никуда нет. Понимать?

— Понимать, понимать, — отвечала тётя Ариша.

— Зо! — крикнул немец.

Фонари уймались лучами в дверь, освещали щеколду, опять пахнуло холодом, дверь захлопнулась.

А на улице, во дворе, в усадьбе, продолжалась какая-то возня, слышались слова команды, урчали моторы. Мы сидели, онемевшие от

ужаса. Только Игорь прошептал то, что было и без того ясно:

— Немцы...

Никто из нас не заснул до утра. А когда рассвело, зябко и блекло, я тихонько приоткрыла на окне шаль и выглянула во двор. Всё было заиндевевшим, роялся в воздухе лёгкий снежок. Но мне показалось, что всё выглядит уже не своим. И дом, на окнах которого все ставни были распахнуты, и железные засовы висели словно вывихнутые, и сама осенняя, запорощённая снежком земля со следами чужих ног, обутых в ботинки, подбитые выпуклыми гвоздями. Ограда была проломана, прямо перед сторожкой стоял небольшой танк, башня его была повёрнута вбок, и орудие направлено в парк. На башне хорошо был виден жёлто-чёрный крест, а две маленькие и злые фары уставились на сторожку. Это их свет и видела я через шаль на окне. По двору ходил часовой. Другой стоял у колонн.

Как мы узнали потом, немцы глубоко вклинились на участке Кореваново и выбросили здесь свой танковый десант.

Мы были теперь отрезаны от Москвы.

Утром в сторожку заявился пухлый рыжеватый немец с маленьким красным носом пуговицкой и совершенно розовыми бровями.

— Здравствуйте! — старательно прокартил он; верно, в его познаниях русского языка смешались «раз-два-три» и «здравствуйте». — Я есть денщик обер-лейтенант Otto Штрупф, который есть штаб ваш больший дом. Надо вбда, надо дроба.

И немец ушёл, хлопая ладонью по спине тёту Аришу, которая повела его к колодцу.

На другой день толстый немец опять явился к нам сияющий и сказал:

— Скоро ехать дальше! — Подмигивая, он махнул рукой по направлению к Москве. — Москва капут! Фью!, — и он сделал в воздухе такой жест, словно зачёркивал что-то.

— Брёт всё, — зашептал мне Игорь. — Про-сто агитируют.

Всё же это было самое страшное. Нам казалось, что фронт, перемахнув через места, где мы находились, откатывал свой гроток всё дальше и дальше, к юго-востоку, всё ближе и ближе к Москве. Но потом звуки фронта как бы остановились. Они не удалялись и не приближались. Утром они были там, где были вчера вечером, и вечером мы слышали отзвуки боя на том месте, где раздавались они утром.

ЗНАКИ ЗОДИАКА

К ночи нас выгнали из сторожки. Мы перебрались в маленькую пристройку. Это была летняя кухня. Там стояла большая печь, но стены были тонкие, в одну доску, со щелями. А на дворе уже начинал ляговать декабрь. Выпал снег. Ночью у нас зуб на зуб не попадал от холода, хотя мы спали все вместе на печке одетыми, укрывшись чем только можно было. В кувшине на столе замёрзла ночью вода. Игорь стал кашлять. Я очень тревожилась, что он опять разболется.

Утром Игорь, придя с улицы, прикрыл наше маленькое окончко старой газетой (шаль тёти Ариши уже носила вместо кашне денщик обер-лейтенанта), таинственно отозвал меня в сторону и вдруг вынул из-под полы бумаж-

ку. Мы оба склонились над ней. То была партизанская листовка. В ней говорилось, что весь народ встал на защиту Москвы, защищники столицы твёрдо стоят на своих рубежах, а немцы распространяют ложные, провокационные слухи о падении Москвы, и граждане не должны им верить. Скоро придёт час расплаты с немцем под Москвой...

Игорь сказал, что такие листовки были расклеены сегодня ночью на многих заборах и сараях Кореваново. И немцы бегают кругом и сдирают их оговсюду.

Значит, наши действуют где-то поблизости, рядом.

Я пока решила ничего не говорить Игорю, но стала обдумывать, каким способом можно установить связь с нашими.

Игорь тем временем ешё и ешё раз перечитывал листовку, шевеля беззвучно губами. Должно быть, заучивал наизусть.

— А немцы их везде уже посыпали, — оторгчённо произнёс он потом.

— Они посыпали, а мы с тобой их на место водворим, — шепнула я ему. — Раз уже попали сюда, давай хоть так действовать, Игорёк. Согласен?

— Конечно, Сима! Давай действовать! — с восторженной готовностью согласился Игорёк. — Знаешь, как мне действовать охота! Только, где же их достанем? Одна только, да и та уже порванная.

— А для чего нас с тобой советская власть грамоты учила?

Я вынула из стёганки свою бригадирскую тетрадку, выдralа несколько страниц, плотнее завесила окно, проверила, хорошо ли припётра кочергой дверь.

— Ну, Игорёк, бери карандаш. Быстро вдвоём перепишем, размножим. Только уж, пожалуйста, прошу тебя, без ошибок!

Мы взялись за работу. Переписывали по очереди: один писал, другой дежурил у оконка, следя, не подойдёт ли кто из немцев к нашей пристройке.

Через три часа на деревьях, домах и заборах Кореваново белело не менее десятка маленьких листовок, мелко исписанных печатными буквами и приклеенными хлебным мякишем. Мы собрались уже идти к себе, но Игорёк сказал, что он сейчас вернётся, и убежал куда-то.

Я пошла к усадьбе. Навстречу показался тяжёлый немецкий грузовик. Посторонилась и сошла на обочину дороги, чтобы дать проехать машине. Да так и застыла там! На заднем борту кузова проехавшего грузовика белела наша листовка. Я даже успела прочесть первую строку: «К советским людям!».

Через несколько минут появился Игорёк.

— Игорёк! Это ты сообразил на машину?

— Видела? — спросил он, хитро прищурившись. — Здорово? А что?.. Пусть сами развоят. Я за них беспокоиться не обязан.

— Смотри, Игорь, чтобы этого больше не было! Ты что? Попасть хочешь?

— Ладно уж, не буду, — протянула он и, пытаюсь взглянуть на меня, лукаво подмигнула: понимаю, мол, обязанность твоя такая — ругать меня, а сама, небось, довольна.

Поздно вечером мы пошли в парк собирать хвостор. И встретились там с Василием Жмыревым. Он, видно, поджидал нас.

— Слушайте, идите-ка сюда, — прошептал он, оглядываясь и подзывая нас к себе. — Вот что, слушайте, что я вам скажу. Тут с листовками этими может получиться форменная труха мне.

— Какими листовками? — спросила я, сделав удивлённое лицо и осторожно тронув локтем Игоря.

— Ну будет тебе в жмурки-пряточки играть, — окрысился Жмырев. — Вам игрушки, а для меня может выйти ерунда окончательная. Немцы с обыском кругом ходят. А у меня под печкой эти ваши бумажки лежат.

— Какие бумажки? — изумилась я, на этот раз действительно ничего не понимая.

— Ну, эти, как их... — пояснил Жмырев, — которые на острове зарыты были, горископы что ли.

— А как же они к тебе попали?

— Ну, как попали, как попали... Чего же тут долго разговаривать сейчас. Не время старое ковырять. Попали — и всё. Хочешь знать, — спроси потом вот его, зачем он туда лазил.

— Кто лазал? — смутился Игорь. — Ну, если и лазал, тебе какое дело?

— Да куда лазал? — я совсем была сбита с толку.

— Да он, слышь, Сима, весной, когда снег ёщё склонил, пустился туда на остров, — объяснил Жмырев. — А я часом подглядел. Вижу: копается. Как он ушёл, я думала, чего это он там на острове копался? Взял меня интерес. Ну я после на лодке пошёл туда и достал. Ерунда, в общем, чего и запаковать-то было? А теперь, понимаешь, лежат они у меня под печкой. С свободно может быть обыск. Скажут ёщё: агитация.

— А боишься, там сожги. Что тебя, учить надо? Знал, как воровать...

— Да, «сожги», — передразнил Жмырев. — Хорошо тебе говорить, а у нас в избе четверо немцев живут. Один большой ценный день на скамейке лежит. Как я при них бумаги жечь буду?

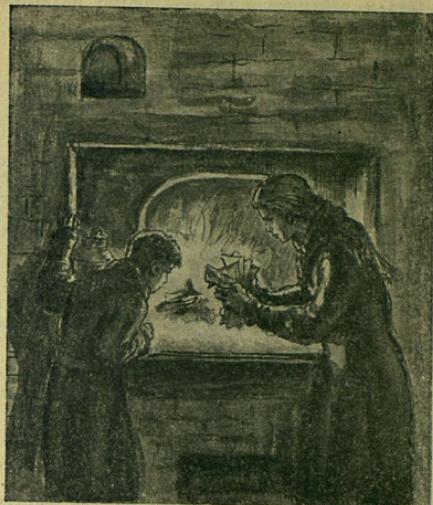
— Чего же ты хочешь от нас?

— А того хочу, чтобы вы их у меня забрали сами. Попадёшься, — вы в ответе. Я и знать ничего не знаю. Скажу, подкинули. Пройдёт дело, — ваше счастье. Только я сам выныстить не буду. Тут через такую чепуху загремишься ёщё на тот свет.

Я была в затруднении. Проще всего, конечно, было оставить бумажки под печкой у Жмырева. Но вдруг действительно будет обыск. Тогда Жмырев, конечно, не постесняется запутать нас, чтобы спасти свою шкуру. А как вынести наши «загадки» от Жмыревых? В конце концов мы решили так: Игорь завтра пойдёт, будто за молоком, к Жмыревым и возьмёт с собой бидон. А Васька скажет, что молока нет, и незаметно сунет ему в бидон наши документы. Конечно, никто не заметит. Ну, а мы сожмём их у себя, в печке у тёти Ариши.

Я всё-таки очень волновалась, ожидая на завтра возвращения Игоря от Жмыревых. Несколько раз порывалась я пойти к станции на встречу Игорю. Но я понимала, что делать этого не надо. Сам Игорь сделает всё один менее заметно.

Наконец он явился. Уже по бледной, но сияющей физиономии его я поняла, что всё

Мы оба с Игорем склонились над бумажками.

прошло благополучно. Как я накинулась на него!

— Ох, Игорёк!.. Игушка, ты лягушка отвратительная! Ну что ты так долго? Совсем ты меня извёл тут. Уж я себя ругательски ругала, зачем я согласилась и позволила тебе идти...

— Ну, да, зачем, — усмехался, дуя на замёрзшие пальцы, вылезавшие из рваных варежек, довольный Игорёк. — Сказала тоже. Знаешь, как я ловко всё это обделял! Даже тот большой фриц, который у Жмырькова в избе валяется, и тот ничего не заметил. Знаешь, Сима, я думаю, мы лучше не сожмём, а почитаем и потом зароем где-нибудь.

Но этому уж я решительно воспротивилась. Я боялась, что немцы всё же могли заметить, как Игорь всовывал бумажки в бидон. Да и Жмырев сам мог что-нибудь сболтнуть.

— Нет, Игорёк, — сказала я, — как ни жаль, а придётся нам расстаться с нашими загадками. Печка топится, давай сюда скорее, что принёс. Сейчас не до игрушек.

Игорёк вздохнул и стал открывать бидон, ворча, что всё это совсем не игрушки, а пиннерские документы и жечь их — это уже последнее дело. Я взяла у него из рук бидон, холодный и уже сразу запотевший, и поставила на шесток. Потом я закрыла газетой маленькое окошечко, глядевшее во двор, плотно прикрыла дверь и задвинула кочергу в ручку, чтобы нельзя было открыть. Перевернув бидон вверх доньшком, я вытыкнула оттуда сёрнутые в трубку бумажки. Они вывалились из бидона, пожелтевшие, пахнувшие сыростью, испещрённые бурыми пятнами. Мы оба с Игорем склонились над ними, с нежностью перебирая бумажные листки, рассматривая слинявшие, выведенные цветными карандашами знаки Зодиака, и наспех про-

бегали разлинованные, аккуратно исписанные странички.

Первым попался «гороскоп» со знаком Водолея — Дёмы Стрижакова:

«Я загадал, что в учебном 1940/41 году:
Научусь понимать природу и Тургенева.
Запомню наизусть не менее пяти стихотворений Маяковского.

Приучусь выступать на сбоях (короче).

Посмотрю не менее трёх спектаклей в МХАТе и прочту биографию Станиславского.

Напишу «Историю нашей улицы» для конкурса пионеров «Москва — сердце Родины».

Сделаю не менее 12 больших хороших дел (общественных).

Поправлюсь в лагере на три кило».

А вот почерк Лиды Сокольской, значок — Весы:

«Активно стану помогать отряду в школе. Добьюсь доверия Симы во всём.

Налажу отношения с В. М. (Скорпионом).

Полюблю за этот год серьёзную музыку больше, чем танцы. Вообще стану меньше думать о внешности.

Забуду навсегда Зину Н. из 8-го «Б».

Перестану бояться трудностей и препятствий в жизни, трусить темноты и мышей (закрысь в этом году ещё не рукаюсь).

Несмотря на то что в пристроечке нашей, после того как я закрыла газетой окошко, стало почти совсем темно, я всё же заметила, как покраснел Игорь, когда я вытащила из кипы бумагеж листок, исписанный угловатым, неровным почерком. Сверху стоял знак Козерога. И я прочла:

«Я загадал себе и твёрдо решил, что в учебном 1940/41 году:

Начну регулярно заниматься утром гимнастикой и сдам на пионерский значок «ГТО» первой ступени.

Буду хорошим пионером и выполню все задания в отряде.

Начну с этого года готовиться в комсомольцы, чтобы заранее развить свою стойкость и дисциплину. Достану и прочту книги про великих революционеров. А также про Чкалову. Стану братом с них пример.

Не буду (тут было сверху вписано: почти) иметь замечаний от Симы.

Пойму как следует устройство всего неба. Прочую все книги, которые даст по астрономии Сима.

Научусь сочтать фантазию с тем, чтобы не врать.

Решу определённо, кем быть в жизни, на кого учиться после школы (на астронома, пограничника или автоконструктора).

Стану выдержаненным и у всех людей буду уважать личность. Начну уважать девчё... (зачёркнуто) девочек, относящихся к ним по-товарищески и больше не считать их всех балбосками (кроме Шурки Т. из 5-го «Б»).

Выработаю твёрдый характер и исправлюсь по арифметике, чтобы иметь в году по этому предмету «хорошо».

Последнее слово было сперва подскоблено, потом зачёркнуто и написано ещё раз твёрдой рукой...

— Смотри, Игорёк, — проговорила я, — а ты ведь как будто немало выполнил из того, что загадал себе?

— Ну, Сима, — смущённо пробормотал он, — не всё уж так, как задумал. Правда, насчёт

гимнастики и по астрономии — это у меня сбылось. А вот в смысле фантазии я всё ещё немного невыдержаный. Верно Сима? Но я хотел это окончательно загадать как раз на следующий год.

Нет, не до того мне сейчас было, чтобы прорвать, выполнали ли мои пионеры свои «загадалки». Но когда я теперь, в холодной промороженной пристройке, перебирала эти бумажки, освещённые шатким пламенем печи, на нас пахнуло чем-то таким далёким, родным и тёплым, что у меня сдавило горло... Как они там, мои ребята, Зодиаки мои, без меня, в далёком уральском интернате? Что они сейчас делают? Простили ли они мне бегство, получив мое письмо из Москвы, где я им попыталась объяснить, что заставило меня вернуться в Москву. Верно, им и в голову не приходит, что в эту минуту их вожак тихонько проливает слёзы над «загадалками» пионеров 5-го «А» класса, а за тонкой досчатой стеною слышится лающая немецкая речь и декабрьский снегок нехотя ложится на отнятую у нас врагом землю...

— Сима, — чуть слышно сказал Игорёк. — Я тебе хочу сказать... Я ведь тогда, правда, на острове в тайник лазал до вас. Только, честное слово тебе даю, я чужие «загадалки» не брал. Я у себя переправил тут. У меня было написано, что я по арифметике на «отлично» исправлю. А потом я увидел в весне, что не смогу: «хорошо» только будет. А я человек слова. Я точность люблю, если даже и мечтаю... Ну, мне совестно было. Лишнее загадал себе. Я тогда и отправился на остров.

— Ох, Игорь, Игорь, — укоризненно вздохнула я.

— Да, Сима, знаешь, там уже тогда лёд пошёл, я чуть не потонул, — торопливо, чтобы уж скорее поведать мне всё то, что его мучило, рассказывал Игорёк. — Но я только своё посмотрел и переправил, а в другие — как хочешь: можешь верить, а можешь нет — не заглянул даже. А Жмырев подсмотрел, что я лазал, и украд... — он остановился, потом спросил совсем упавшим голосом: — Ты мне теперь, Сима, ни в чём уже верить не будешь, да?

Ну что я должна была сказать ему?..

— Нехорошо, конечно, Игорь. И как ты мог столько времени всё скрывать? Ну да ладко уж... Раз сам признался, давай теперь загадаем уж навсегда, что больше таких штук делать не будешь... А сейчас, Игорёк, придёшь всё это в печку.

Я собрала все листочки вместе, скжала их в руке и бросила в огонь. Они вспыхнули.

— Ну, что же, Игорёк, — сказала я, — ну что же делать... Вот горят наши «гороскопы». Но ведь то, что мы загадали в них, всё давно уже исполнилось. И никаким огнём из нас этого не выжечь. Разве можно спасти то, что мы вообще себе в жизни загадали?! Ничего, Игорёк, сгорели только бумажки. А у нас внутри всё цело. Верно? Мы ещё не то загадаем. И у нас ещё не то сбудется, вот увидишь! Вот ты как рассуждай.

— Я рассуждаю, Сима, — тихо согласился со мной Игорёк, — только всё равно жалко.

Весь день он ходил грустный, а потом сказал, что у него болит голова, и забрался на остывшую печь. Я накрыла его всем, что у

нас было. Но он всё вздрагивал, кашлял и никак не мог согреться.

На другой день он поднялся бледный, с сизыми кругами под глазами. Какие-то нехорошие тени легли вокруг губ, ставших серыми, и огромны были глаза, которые теперь, казалось, занимали пол-лица. То и дело его начинало трясти.

Надо было на что-то решаться. Но как бежать с больным, ослабевшим мальчуганом?..

Днём Игорёк вышел во двор; всё равно в пристройке нашей было еще холоднее, чем на улице. Вскоре он явился замёрзший, долго тёр щеки, грел руки у печки, но я чувствовала, что его взбодрило что-то. И в больших серых глазах его появился блеск, похожий на тот, что всегда освещал прежде лицо Игорька.

— Сима, — азартно оглядываясь вокруг, сообщил он мне, — знаешь, что я тебе скажу. Сима, — можешь верить, можешь не верить: немцы сегодня не в себе, какие-то полоумные. Сейчас там ходят, вижу: через окно этот ихний длинный всякие бумаги на столе собирает, связывает и в какие-то ящики бросает. А пушки, слышишь, сегодня ближе бьют. И как пушка ударит, так этот длинный всё в окно посматривает. А потом машина подошла. Денщик толстый и ещё два солдата стали всякие вещи туда выносить. А главное, я вижу, Сима, они все какие-то перепутанные. Все торопятся, друг на дружку тыкаются, к телефону бегают и всё в ту сторону поглядывают, где пушки стреляют. И знаешь, Сима, бумаги собирают, — да в печку, печку! Вот и им жечь в печке теперь приходится. Но-моему, Сима, они определённо драть собираются отсюда. Пускай знают!.. А машины-то всё едут совсем не в ту сторону, где Москва, а как раз наоборот.

ДЕКАБРЬСКАЯ НОЧЬ

На дворе уже темнело, когда я вышла посмотреть, что происходит в усадьбе. Холодный ветер бросил мне в лицо колючую, снежную пыль. Где-то, как будто очень близко, ухали орудия. Мне показалось, что они сегодня бьют и словно не в той стороне, где слышались вчера, чуточку южнее. А может быть, просто ветер сегодня повернулся?..

Во двор то и дело въезжали машины, из них высаживали офицеры, скрывались в подъезде дома, быстро возвращались обратно, и машины, взяв с места большую скорость, воя и премя цепями, выезжали со двора.

Нет, ей болу, Игорь, кажется, был прав.

Толстый денщик, кряхтя, вынес большое чемоданы и погрузил их на подъехавшую машину. Потом на крыльце появился длинный обер-лейтенант, в шинели с поднятым воротником; на руках у него были варежки тёти Ариши, я их сразу узнала по красным полоскам. Шек он обмотал толстым шарфом, похожим на купальное полотенце. Офицер что-то приказал солдатам, и они стали таскать охапками солому и обкладывать ими старый дом. Офицер вернулся обратно в комнаты, а солдаты всё продолжали носить солому.

Я поняла, что немцы собираются зажечь Кореваново. Солдаты, обложив соломой ста-

ринные колонны террасы, тащили охапки к сторожке и к нашей маленькой пристройке. Другие чем-то мазали стены дома.

В это время на крыльце снова появился длинный обер-лейтенант. Он что-то крикнул солдатам. Двое из них уже с факелами, за которыми волочились космы багрового дыма, подошли к дому. Я представила себе, как вспыхнет старинный дом, как обовьётся плаяя вокруг белых колонн, загорится сторожка, потом наша маленькая пристройка, где на печке тряётся в озобе большой Игорь. Что было делать? Как предотвратить всё это? Полная непонятной решимости, я бросилась к крыльцу и оттолкнула одного из факелщиков, я уже сама себя не помнила от отчаяния.

— Что вы делаете?! — закричала я. — Это же музей. Это же... Поступайте...

Я видела при свете качнувшихся факелов, как длинный офицер с ленивым любопытством прищурился в мою сторону. Солдат с факелом, которого я оттолкнула, схватил меня за руку и грубо оттащил в сторону.

И вдруг кто-то маленький разъярённо выскочил из темноты, кинулся в освещённое пространство к солдату и срезбугом обеими руками упёрся в солдата так, что тот выпустил меня.

— Не трогайте вы её!..

И я вся похолодела, узнала Игоря.

Солдат бросился к нему, но длинный офицер что-то крикнул и медленно, как бы нехотя ступая длинными ногами, сопёх с крыльца. Он взял у солдата факел и с тупой брезгливостью рассматривал некоторое время Игоря.

— Что такое? — спросил офицер.

Он неспешно отдал факел солдату, снял с правой руки полосатую варежку и коротким движением от себя ударили Игоря по щеке внешней стороной кисти. Глаза Игоря налились слезами, розовыми от света факелов, он громко глотнул, но ничего не сказал. Офицер медленно отвёл руку направо, повернула её открытой ладонью в сторону и тыльной частью нанёс удар Игорю по другой щеке.

— Ну, может быть, ты имеешь желание ещё один раз повторять?

— За что вы его?! — крикнула я офицеру. — Что он сделал?

— Дурак вонючий, фашист и собачий! — вдруг со злой пропшептал Игорь. — Чего вы дерётесь? — проговорил он уже громко.

Офицер размахнулся и ударил Игоря теперь уже наотмашь. Игорёк отлетел в сторону, поскользнулся и упал на снег. Я кинулась к Игорю, зажимая ему руку в рот. А он смылся подняться, отталкивал меня и вызывающее упрямство мычал мне в ладонь, сквозь зубы:

— И дурак... Все равно, дурак, сто раз дурак! Пусти...

Обер-лейтенант шагнула к нему, схватила за шиворот, а другой рукой вырвала из заднего кармана своих брюк пистолет. Я бросилась, что-то отчаянно крича, отталкивая руку с пистолетом, стараясь заслонить собой Игоря. И вдруг в нескольких шагах от нас с силой и страшным свистом рассекло воздух. Слепящий удар потряс землю, отбросил меня в сторону. Раздался чей-то вопль, послышались всплошённые голоса немцев. Тотчас же сно-

ва тяжело охнула вся земля под нами, бешено рванулся отвердевший воздух, я опять повалилась на снег. И стало очень темно и тихо. Я почувствовала невыносимую боль в голове, и словно что-то обвалилось в моей памяти, потому что, когда я снова стала понимать, что происходит, вокруг нас были молчаливые, высокие деревья. Где-то позади хлопали выстрелы, а я бежала, я тащила за руку споткавшегося Игоря, молча тянула его за собой. Над нами в морозном воздухе нет-нет да и цвиркало что-то и, как тяжёлый жук соследу, тыкалось, громко щелкнув, в ствол. И падала сбитая с дерева ветка

Кружилась голова, странно мягчели ноги, и каждый шаг стоил мучительного труда. И хотелось лечь прямо вот здесь ничком и больше ни о чём не думать: пусть будет, как будет. Но я чувствовала в своей руке худенькую руку Игоря, мне всё слышалась какой-то топот сзади, и я помнила одно: я должна увести отсюда Игоря, я должна выбраться скорее с ним из этой ночи. И я шла, переставляя из последних сил отяжелевшие ноги; боль раззамидала голову. Я останавливалась, ела холодный снег с веток и снова шла. Только бы уйти прочь от тех, кто остался там, сзади, с факелами, только бы выбраться из морозной тьмы, которую раскалывали грохочущие вспышки разрывов! Я шла, всё чаще спотыкаясь, иногда падая на колени, приподымалясь, вставала и вела за собой Игоря.

— Сима, я больше не могу идти... — вдруг тихо сказал Игорь и сел на снег. А потом подвалился ничком.

Но я не выпустила другой его руки из своей. Я тянула Игоря к себе, силилась поднять его. Я шотопот уговорившись, просила его:

— Игорёк, встань, я тебя прошу! Ну, отдохни чуточку, и пойдём. Нет, я руку не отпущу... Вот так. Ну, отдохну! Пойдём теперь. Тут где-нибудь нашли близко... Иди.

Но он лежал, неловко вывернув поднятую руку, которую я продолжала крепко держать. Я знала: если я отпущу, у меня уже не будет сил нагнуться, поднять его.

— Сима, ты или... — услышала я. — Иди, Сима. Ты меня оставь. Я всё равно больше уже не могу идти, а ты иди... Они тебя убьют, Сима...

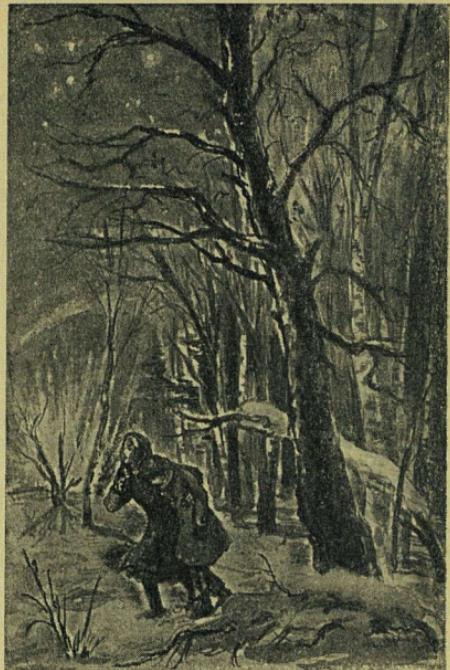
И тогда я, стараясь не наклонять головы, держа её чуточку запрокинутой назад, опустилась на колени и, перекинув через свой плечо руку Игоря, которую я так и не выпустила, другой рукой, уцепившись за толстую низкую ветвь дерева, поднялась и заставила подняться Игоря.

— Ты вот опирайся так на моё плечо, слышишь, Игорёк? Опирайся весь, крепче, не бойся! Ты только ноги вперёд переставляй, а я уж тебя потащу, ты об этом не думай, не твоя забота...

Я почувствовала, как Игорёк изо всех сил старается не опираться на моё плечо. Но его всего сотрясал озабоченный дрожь. Задыхался и всё сползая с моего плеча, всё бормотал мне в ухо:

— Честное слово, Сима, или лучше одна, пусти меня...

— Игорь, — сказала я ему, — перестань болтать ерунду! Слышишь, Игорёк? Помнишь, мы с тобой говорили «о серьёзных вещах»,

Я поднялась и заставила подняться Игоря.

бота я тебе сейчас скажу, Игорь, одну серьёзную вещь: я хочу, чтобы ты был. Я тебя не брошу. Никогда. Понял? Ни за что! Сколько бы ты ни болтал глупостей, я не могу тебя бросить. И ты только подумай, Игорёк, что бы я тогда сказала капитану Малинину?.. Ну, отдохнули? Пошли.

— Ох, Сима, какая ты, — услышала я за своим ухом и чувствовала на своей шее горячее, срывающееся дыхание Игоря. — Ты сажа не знаешь, какая ты, Сима!

— Нет, я знаю, какая я Сима! А ты молчи, Игорёк. Ты не дыши ртом, молчи.

Да, я знала, какой я должна была быть в эту ночь! Я хотела быть такой: смелее, чем когда бы то ни было, сильнее, чем все мои силы, вместе взятые, потому что я оставалась совсем немногим, а идти надо было далеко. Мне нужны были силы на двоих: со мной был Игорь, сын капитана Малинина. А я обещала капитану быть всегда вожатой для его сынишки. «Будь уверен, Игорёк, твоя вожатая не бросит тебя одного в этом лесу. Будьте спокойны, капитан Малинин, я доведу ваше-го сына до своих!»

Всё, что происходило дальше, путалось с тяжёлым, иногда оглушительным бредом, в который я, очевидно, впадала, продолжая идти.

И потом большая поляна, белая от снега, залитая лунным светом. И вот мне кажется,

что я уже не иду, уже не земля, а пол вагона-теплушка ходит подо мной... Нет, это качается земля под моими ногами, и от меня уходит поезд, стучат колёса, а вагон высокий, и что-то кричит мне Курбан, и ржут, топочут сверху лошади.

И когда по снежному полю, залитому ходным сиянием луны, мчатся навстречу нам всадники с горланным криком «Ио-геё!», а на головах их косматые шапки, я не верю, что всё это происходит уже на самом деле, а не во сне. Всё ближе и ближе кони, и я, боясь ещё поверить, но уже сердцем чуя, что это не сон, а правда, делаю навстречу два последних шага. На третий шаг у меня уже нехватают сил, ноги у меня подгибаются, я тяжело вались на колени, держа на плече руку Игоря. Всадники окружают нас.

— Товарищи, — кричу я им снизу. — Игорь! Это наши... Товарищи, вы не из части Павлихина?

— Павлихина, — отвечают мне, и я слышу знакомый выговор, — Павлихина. Кто такая будешь?

— Салам! Здравствуйте! Салам, джигиты! Амед Юсташев не с вами?

Тогда вдруг вперёд вырывается высокий конь. В лунном свете он кажется бронзовым. Он заезжает круто вокруг меня, словно отгоняя нас с Игорем от всего страшного, что осталось позади, там, за лесом. Я вижу косматую шапку за вскинутой красивой головой коня.

— Дюльдяль! — шепчу я.

Всадник резко склоняется ко мне с седла, лунная тень от чёрной косматой шапки закрывает ему всё лицо. Сильная рука рывком вскидывает меня с земли на коня. И я узнаю совсем рядом с собой лицо старого Курбана.

— Сима-гюль! — бормочет он, и прижав мою голову к своему плечу, осторожно гладит рукой мой висок.

— Курбан, Курбан! — повторяю я и смеюсь от радости.

А Игорь, которого поднял на седло другой всадник, всё спрашивает, я слышу:

— Дядя, это место уже наше? Да? Это земля обратно взятая? Это наша земля?

— Курбан, где Амед? — спрашиваю я, чувствуя что-то неладное.

И мне становится страшно: почему под Курбаном сегодня скакет Дюльдяль? Я чувствую, как бежожно и крепко прижимает мою голову к своему плечу Курбан. И вдруг что-то горячее смачивает мне щёку. От неожиданности я приподнимаю голову, и то, что я вижу, тяжело поражает меня: старый Курбан беззвучно плачет.

— Такой джигит был!.. Умный такой! И сердце такое имел, как орёл. Сам пошёл. Хотел сам. Ой, Амед-джан...

Мне хочется знать всё, но у меня нет слов, нет голоса, чтобы спросить.

— Курбан! Когда же это, как? — наконец говорю я, сама себя не слыша.

— Немец хотел шоссе брать, на Москву иди. Мы рейд делали. Большой рейд получился. Амед в бою первый был. Развешил колёса. Одного срубил, второго, третьего... Пять человек. Потом его пуля взяла. Теперь нет больше Амеда. Многих нет. Э, Сима... Какой джигит был! Ах, Сима-гюль! Другой

человек не знает — ты знаешь, я знаю, Красная Армия знает, какой был Амед-джан...

Амед, Амед, миль, верный товарищ, как мало досталось нам дружить с тобой! Какая короткая у нас была дружба! И я плачу, горько и молча плачу, зарывшись всем лицом в душную косматую шапку Курбана. А под нами то тревожно всхрапывая, то нетерпеливо пробуя коньком снег, тихонько ржёт, слыша имя хозяина, осиротевший Дюльдяль!

МОЖАЙСКИЙ ЛЕД

«В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах Москвы...»

Какие слова! Какие слова! Только послушайтесь...

«6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и последично отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери... Хвастливый план окружения и взятия Москвы провалился с треском».

Это сообщение я слышала уже в госпитале, в Москве.

Игорёк в Москве быстро поправился. Он жил в нашей квартире с майором Проторовым и часто навещал меня этой зимой. Приходили письма от Ромки Каштана, который ушёл в войска связи на фронт. Писали мне мои пионеры с Урала. Скукали о Москве, сообщали о своих тамошних делах.

А мне всё синела та декабрьская ночь, Амед и конники-павлихинцы, скакущие в косматых шапках на белой поляне, льдисто сверкающей под луной.

Я выпысасалась из госпиталя к весне. И мне захотелось в первый хороший день пойти посидеть на Новодевичьем кладбище, у памятника Распятию. Со мной, как всегда, увядала Игорёк.

Голубое весеннеё небо сквозило через розоватое каменное кружево на широких башнях монастыря. Пели птицы над могилами. Пробилась нежная и робкая трава окольо гранитного памятника из строгого, непреклонного камня — Лабрадора.

А потом мы вышли на берег Москвы-реки. День был ясный. Но с реки тянуло холодом.

Шёл можайский лёд.

И вдруг Игорь, тронув меня за руку, показал куда-то пальцем.

Среди реки, спираемое другими глыбами, медленно вращаясь, плыло ледовое поле. Снег стаял с него, обнажив ряды колёс, перевитых колечком проволокой. Что-то вспыхнувшее, в зелёной шинели, лежало там. Переvertsнутая пустая каска вмёрзла рядом в лёд.

Шёл можайский лёд.

И по реке плыло последнее видение московской осады. А с берега уже отребала лодка, лавируя между льдинами. На носу стоял человек с барабаном, готовый зацепить льдину, отбуксировать прочь и не пустить в черту города даже остатов того, кто хотел, барабаня кригс-марш, шагать и топать по Москве...

Шёл можайский лёд.

Хороший ли ты лыжник?

Заслуженный мастер спорта В. Серебряков

Рис. Я. Титова

Хороший лыжник пройдёт и по нетронутой снежной целине и меж деревьями по лесу, поднимется на любую горку, спустится с крутого склона.

Если хочешь стать хорошим лыжником, учись ходить на лыжах правильно.

Сначала попробуй ходить без палок скользящим шагом. Это научит тебя хорошо сохранять равновесие. Обрати внимание на выработку длинного скользящего шага — от этого и зависит быстрота хода.

Когда все вы натренируетесь, устрой в своём звене соревнование: у кого самый длинный шаг. Победит в нём

тот, кто пройдёт большее расстояние за десять шагов.

Твое звено или отряд, наверно, будет совершать зимние походы. В походе тебе придётся идти по пересечённой местности, и тут особенно удобен по-переменный ход. На рисунке, который помещён здесь, наверху, лыжники идут как раз таким ходом. Рассмотри внимательно их движения. А теперь взгляни на другую страницу, на последний рисунок.

Замечай: движения у лыжников совсем другие. Они выносят вперёд сразу обе палки, делают один — два скользящих шага и отталкиваются одновременно двумя палками. Эти лыжники идут одновременным ходом. Пользуйся им на равнине и на пологих склонах, когда ты идёшь по накатанной лыжне.

Помни, что при разных способах ходьбы работают разные группы мышц. Утомив-

шишь идти одним ходом, переходи на другой.

В походе тебе придётся взбираться на крутые и пологие горки. Вот тут на рисунках ты видишь, как нужно это делать. Недлинные отлогие подъёмы преодолевай ступающим шагом прямо или наискосок. Если нужно быстро взобраться на крутую гору, поднимайся «ёлочкой». Разведи в стороны носки лыж и поднимайся, опираясь на внутренние ребра их. Палки разведи в стороны и держи позади корпуса. Чем круче склон, тем шире расставай носки лыж.

Наиболее крутые склоны преодолевай «лесенкой». Встань к горе боком, поставь лыжи параллельно и поднимайся приставным шагом, опираясь на палки.

Чтобы съехать с большой горы, обойти все препятствия и не упасть при этом, нужно быть очень ловким и, главное, смелым. Часто бывает, что новичок падает не оттого, что он потерял равновесие, а оттого, что испугался стремительности спуска с горы. Страйся преодолеть в себе страх. Только смотри, когда спускаешься, держи палки позади тела, что-

бы не наткнуться на них при падении.

Держись при спуске совершенно свободно, потому что напряжение связывает движения.

Съезжая с незнакомой горы, не развивай полной скорости, ты ведь не знаешь, что у тебя может встретиться впереди. Тормози движение палками и лыжами. При спуске наискосок тормози полушагом, при прямом спуске — плугом, как делает лыжник на нижнем рисунке на стр. 30.

Ходи побольше снежной пеленой, постепенно ускоряя темп. Потом устраивай змеиневые и отрядные соревнования: так интересней тренироваться.

ПУТЬ ОДНОГО ЛЫЖНИКА

В какую сторону шёл лыжник?

Чей след он увидел?

Каким стилем пошёл он геперь?

Какая часть этой горы круче?

Как спускался лыжник с горы?

Почему прервалась лыжня?

Что случилось здесь? Каким стилем пошёл лыжник теперь?

Что сделал лыжник перед тем, как войти в свой дом?

На этих картинках вы не видите лыжника, но на снегу остались его следы. По ним вы можете узнать, какие приключения были у лыжника в пути.

Напишите нам, что вы прочитали по следам.

СОДЕРЖАНИЕ

Ёлка.—Рассказ Б. Полевого. Рис. А. Кокорина	1 стр.	Свет Москвы. — Глаза из повести. (Окончание). Лев Кассиль. Рис. В. Цельмера	19
Так хорошо.—Стихи В. Кузнецова. Рис. Л. Таранкова	6	Хороший ли ты лыжник? —Заслуженный мастер спорта В. Серебряков. Рис. Я. Титова	30
Зимние победы.—Очерк Н. Розенкапфа. Фото С. Пребраженского	7	Путь лыжника.—Рис. П. Кузьмичёва	32
Наша почта	12	Вы таких не встречали? —Стихи Владимира Лишица. Рис. Н. Кочергина	IV п. обл.
Справочное бюро	15		
Сюрприз отряду. —Текст и рис. Е. Фрадкиной	16		

На обложке: рисунок художника Н. Кочергина „На лыжах“

Редакция: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 15/XII—47 г.

Изд. № 890.

82×110.

1/16 бум. листа.

А 09046.

76 999 печ. лн. в печ. листе. 4 печ. л.

Тираж — 58 000.

Заказ 3285.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Занимайтесь
зимними спортами

ХОДИТЕ НА ЛЫЖАХ!
КАТАЙТЕСЬ НА КОНЬКАХ!

Готовьтесь сдать нормы БГТО и ГТО I ступени. Спорт сделает вас сильными, ловкими, выносливыми. Только не переутомляйтесь. Следите за своим здоровьем, советуйтесь с врачом и с педагогом.

Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.

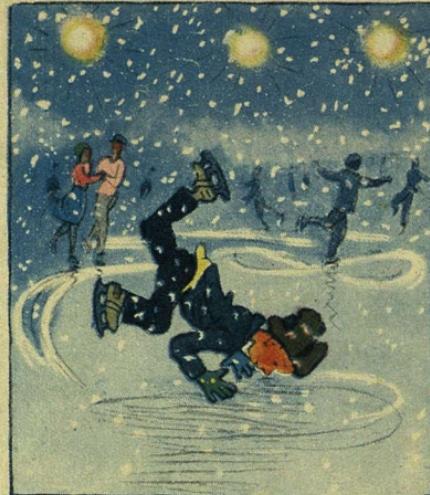
Вы таких не встречали?

Стихи Владимира Лифшица

Рис. Н. Корчагина

Вы встречали спортсменов подобного сорта?
Он свободно владеет всеми видами спорта!
Он на лыжах скользил удивительно смело,
Но под горкой сосна... на него налетела!..

А вот вам испытание
На льду, а не в лесу:
Фигурное катание
На собственном носу!

Сами, сами, сами, сами
Мчатся с горки наши сани!
Мчатся сани «с ветерком»,
Он за ними — кувырком!

Вы встречали спортсменов подобного сорта?
Он свободно владеет всеми видами спорта,
Но мы убедились на прошлой неделе,
Что свободно владеет на словах, не на деле...

